

ДНЕВНИК КАМЕР-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА, ВЕДЕННЫЙ ИМ В РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО с 1721 по 1725 год

В свите голицинского герцога Карла Фридриха, который в 1721 году приехал в Петербург, чтобы посвататься за дочь Петра, был не только граф Бассевич (см. выше отрывки из его «Записок»), но и камер-юнкер Фридрих Вильгельм фон Берхгольц — автор дневника, фрагменты которого мы публикуем.

Сам дневник — весьма обширное сочинение. Берхгольц вел его на протяжении всех четырех лет пребывания в России — до самой смерти Петра и заключения брака Анны Петровны и Карла Фридриха в 1725 году. Человек редкостной пунктуальности, Берхгольц, несмотря на сложности поездок, трудности петербургской жизни, описывал события практически каждого дня. Записи его отличаются необыкновенной подробностью и почти всегда большой точностью. Главный предмет его описаний — придворная жизнь, быт тогдашнего высшего общества, его нравы, обычаи, празднества, увеселения. Находясь постоянно в свите голицинского герцога, он имел возможность видеть вблизи и самого Петра и тех, кто его окружал, и сумел запомнить и записать множество любопытных подробностей относительно их частной и семейной жизни.

Берхгольц не обладал ни литературным талантом, ни даже особыми дарованиями, но был человеком неглупым, внимательным и наблюдательным. К тому же он любил своего герцога, которому с удовольствием служил, и все, что он видел, стоя на привычном месте за креслом своего властелина, он и заносил в свой дневник. А видел он многое, ибо его, в отличие от датского посланника Юста Юля или графа Бассевича, как правило, не замечали и не стеснялись.

В дневнике Берхгольца мы видим несколько иной образ Петра, чем в записках Юля, хотя между оценками бывалого командора флота и камер-юнкера много общего.

Более выразительно отличие дневника Берхгольца от записок его «шефа» — Бассевича. Те, кто в 1761 году делали выборку из бумаг Бассевича, взяли, преследуя сугубо политические цели, в основном те отрывки, где автор стремится увидеть события в общем плане, поднимаясь над материалом и частными фактами. Возможно, многое из первоначальных записей при этом оказалось утраченным. Иное дело — Берхголец. Его дневник писался вовсе не с целью публикации, а просто как записки человека, попавшего в новую, непривычную среду и с обостренным интересом вглядывавшегося в детали того, что непосредственно его окружало. Печатный станок не уничтожил того особого аромата подлинности дневника человека, который каждый день усаживался за стол, брал перо и писал, писал, несмотря на то, что страшно трещала голова после дежурных празднеств в петровском дворце, несмотря на то, что уже смеркалось и нужно было вновь куда-то ехать со своим неугомонным, но обожаемым герцогом, времяпровождение которого взял на себя обязанность фиксировать наш молодой летописец.

Покинув Россию в 1725 году, он впоследствии уже в звании обер-камергера опять приезжал сюда, на этот раз — с сыном голистинского герцога Карла Фридриха, внуком Петра I — будущим императором Петром III. В 1746 году Берхголец вышел в отставку и жил до конца жизни в Висмаре. Там в 1765 году и познакомился с ним известный любитель и собиратель древностей пастор Бюшинг, который, узнав о дневнике, сразу понял и оценил его значение и употребил много усилий для приобретения этого уникального документа. Уже после смерти Берхгольца Бюшинг в 1785 — 1788 годы опубликовал его дневник в своем журнале — «Magazine für die neue Historie und Geographie».

Фрагменты из дневника воспроизводятся по последнему переводу с немецкого И. Ф. Аммона: Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год. Ч. 1—4. М., 1902—1903.

1721 ГОД

Июнь

25-го. <...> Перед обедом, около половины одиннадцатого часа, когда царь возвращался из церкви, с крепости стреляли из всех пушек, чем и началось празднование коронации по случаю наступления 39-го года царствования его величества, вступивше-

го на престол 10-ти лет от роду¹. Говорили, что нынешний год день этот празднуется вовсе не великолепно, но почему, никто не знал. Услышав пушечную пальбу, я тотчас отправился вместе с тайным советником Геспеном, посланником Штамке и другими нашими кавалерами навстречу царю, которого мы увидели на реке. Когда он вошел в длинную галерею, стоящую в аллее, идущей к царскому Летнему дворцу, все собравшиеся там русские и тайный советник Геспен с посланником Штамке подошли к нему с поздравлением. Спросив последних, когда приедет его королевское высочество², и получив в ответ, что они ожидают его всякий час, царь подошел с князем Меншиковым и со всею свитою на находящееся близ сада большое открытое место, где стояли в строю оба гвардейские полка, Преображенский и Семеновский. Первый состоял из четырех батальонов, второй из трех. В обоих, как говорят, до 7000 человек, не считая нестроевых. Большая часть рядовых, по крайней мере очень многие из них, — князья, дворяне или унтер-офицеры из армейских полков. Оба полка имеют зеленые мундиры с красными отворотами, но воротники у Преображенского красные, а у первого зеленые, а у последнего синие шинели. У унтер-офицеров отвороты и воротники (которые также разных цветов, смотря по полку) обшиты узким золотым галуном. Все обер-офицеры, от полковника до прапорщика, имеют одинаковый мундир, зеленого цвета, обложенный кругом золотым галуном; только шарфы и значки отличают их друг от друга. Гренадеры носят шляпы, похожие на шлемы древних римлян и имеющие вид касок; но они сделаны не из железа, а из толстой кожи, и украшены сзади большим пером белого и красного цвета, что делает особенно хороший вид, когда их много вместе. Спереди на шляпах у них оловянный, а у офицеров серебряный герб России; точно такая же и обделка широкого патронташа, висящего на правой стороне, поверх которого подпоясывается с левой стороны другой, маленький.

Гренадерские офицеры, как и другие, носят еще через правое плечо шарфы голубого, белого и красного цветов и серебряные значки (рингкрагены) с изображением андреевского креста, с короною наверху и лавровым венком вокруг. Под крестом написано выпуклыми буквами: 19 ноября 1700 года — день несчастного Нарвского сражения, в котором оба эти полка особенно отличились. Многие из рядовых имеют также в петлицах медали с портретом царя, который, говорят, награждает ими всех особенно отличающихся в сражениях; но, кроме того, все бывшие в Полтавской битве украшены такими медалями³. Офицеры этого корпуса имеют высокие чины: поручики равняются капитанам армейских полков; капитаны поступают в другие полки полковниками, а майоры обыкновенно в то же время бригадиры или

генерал-майоры и имеют большой вес. Сам царь — полковник Преображенского полка.

Когда царь пришел к месту, где выстроились оба полка, образуя из себя огромный круг, они отдали ему честь и, исполнив по его команде обыкновенные приемы, производили беглый огонь из ружей. После троекратной стрельбы царь удалился, пригласив сам наших кавалеров собраться после обеда, в пять часов, в Летнем саду. Я отправился домой и смотрел дорогою, как гордые полки, в стройном порядке, уходили назад. Каждый из батальонов имеет своих гобоистов и валторнистов. Они проходили по крайней мере час, но на это было вовсе не скучно смотреть, потому что солдаты все видные и красивые люди, набранные из многих полков. Собравшись, по обыкновению, к обеду у нашего благодетеля, мы сели за стол, и только что отобедали, как приехал подполковник Сальдерн, посланный его королевским высочеством из Нарвы с письмами к тайному советнику Геспену и посланнику. Когда он вручил мне письмо от тайного советника Бассевича, я уступил ему свое место за столом, потому что он был очень голоден. Мы спросили его, когда приедет его королевское высочество, и узнали, что не прежде будущего четверга, оттого что проезжает в день не более двух станций. Тайный советник Бассевич велел меня просить, чтоб я в четверг, рано утром, был с его каретными лошадьми в Красном кабачке; но это было невозможно по причине болезни одной из шести лошадей, которую заменить другою было решительно нельзя. Впрочем, я был твердо убежден, что ее величество царица пошлет навстречу герцогу довольно лошадей и карет, так что его собственные, требуемые только на всякий случай, вероятно, вовсе не понадобятся. После обеда мне очень хотелось тотчас же исполнить одно поручение, о котором тайный советник писал мне в своем письме, но в этот день ничего нельзя было сделать. В 5 часов я со многими из наших отправился в Сад.

Подойдя к месту, где утром была стрельба, мы опять нашли там, в том же порядке, оба гвардейские полка, но только с нижним оружием⁴; верхнее они оставили в лагере. Когда я спросил, для чего они здесь собрались, мне отвечали, что царь обыкновенно в такие праздники угощает их пивом и вином, которое сам им подносит в деревянных чашках величиною с большой стакан. Его величество именно этим и был занят, когда мы пришли. Там же увидел я необыкновенно большого роста чухонку, которую царь несколько лет тому назад выдал замуж за огромного француза, привезенного им из Франции⁵. Они имели уже ребенка, и теперь она снова была беременна. Этот француз не так высок, как неестественно толст; он сам говорит, что австрийский посланник в Париже, барон Бентенрейтер, еще выше его, в чем я теперь,

рассмотрев его хорошенько, также убедился. Он не имеет никакой должности (впрочем, по толстоте своей и неспособен ни на что) и всю жизнь только и делал, что показывал себя за деньги. Ему дают в год 300 рублей жалованья и даровую квартиру: царь, тотчас после его приезда, подарил ему дом и держит его, как говорят, только для того, чтоб иметь от него рослых людей. С теперешнею его женой его соединили еще до брака, и государь только тогда приказал обвенчать их, когда убедился, что они могут иметь детей; в противном случае она досталась бы одному из царицыных гайдуков, также огромного роста, но весьма красивому.

Войдя в сад и осмотрев его немного, я до того был удивлен переменами в нем в последние семь лет, что едва узнавал его. Мы сперва отправились туда, где думали найти лучшее, то есть царский двор, который очень желали видеть, и прошли наконец в среднюю широкую аллею. Там, у красивого фонтана, сидела ее величество царица в богатейшем наряде. Взоры наши тотчас обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную как ангел⁶ Цвет лица, руки и стан у нее чудно хороши. Она очень похожа на царя и для женщины довольно высока ростом. По левую сторону царицы стояла вторая принцесса, белокурая и очень нежная; лицо у нее, как и у старшей, чрезвычайно доброе и приятное⁷ Она годами двумя моложе и меньше ростом, но гораздо живее и полнее старшей, которая немного худая. В этот раз они были одеты одинаково, но младшая имела еще позади крылышки; у старшей же они были недавно отрезаны, но еще не сняты, а только зашнурованы. Сделаны эти крылышки прекрасно⁸ Платья принцесс были без золота и серебра, из красивой двухцветной материи, а головы убраны драгоценными камнями и жемчугом, по новейшей французской моде и с изяществом, которое бы сделало честь лучшему парижскому парикмахеру. Около ее величества царицы стояли еще маленький великий князь и его сестра, дети покойных принцессы вольфенбюттельской и наследного принца⁹; они как вылитые из воску и ангельской красоты. Великому князю, говорят, только шестой год, а сестре его осьмой, но они уж довольно велики для своих лет. Они имеют свой особенный стол, так же как и обе старшие принцессы. У царицы есть еще маленькая принцесса, лет четырех, которую еще носят на руках; она также прехорошенький ребенок¹⁰ Здесь же была вдовствующая царица с дочерью своею, принцессою Прасковиею, находящеюся еще при ней. Она была одета в черном и имела на голове большую шапку, какую обыкновенно носят старые русские дамы. Это вдова брата нынешнего царя, Ивана; старшего его брата звали Федором. У нее, кажется, осталось теперь в живых только три дочери, из которых одна за теперешним герцогом

мекленбургским, другая — герцогиня курляндская, которую мы видели в Риге, а третья та самая, которая была с нею в саду и которой лет двадцать пять; она брюнетка и недурна собой¹¹. Вдовствующая царица Прасковья — урожденная Салтыкова. Между бывшими здесь другими дамами мне особенно понравилась княгиня Черкасская, которая, как меня уверяли, считается при дворе первою красавицей. Но я насчитал еще до тридцати хорошеньких дам, из которых многие мало уступали нашим дамам в приветливости, хороших манерах и красоте. Признаюсь, я вовсе не ожидал, что здешний двор так великолепен. У ее величества царицы четыре камер-юнкера, все красивые и статные молодые люди; из них двое русские, Шепелев и Чевкин, и двое немцы, Балк и Монс (двоюродный брат госпожи Балк, очень, говорят, любимый царицею). Первый из этих двух сын генеральши Балк, состоявшей, несколько лет тому назад, в качестве обер-гофмейстерины при дочери вдовствующей царицы, нынешней герцогини мекленбургской. Теперь она снова статс-дамою при здешнем дворе, и имеет еще дочь, которая замужем за флотским капитаном Лопухиным. К штату царицы принадлежат еще: гофмаршал Олсуфьев (брат гофмаршала царя), русский и очень незнатного происхождения, шталмейстер и многие другие. Пажи ее величества имеют зеленые мундиры с красными отворотами и золотыми галунами на всех швах, как и трубачи и валторнисты; но лакеи и конюхи, которых у ее величества множество, не имеют этих галунов; однако ж все-таки одеты прекрасно. В оркестре государыни много хороших немецких музыкантов, обязанных также носить красивые зеленые кафтаны (ливрей они вообще не любят). Одним словом, двор царицы так хорош и блестящ, как почти все дворы германские. У царя же, напротив, он чрезвычайно прост: почти вся его свита состоит из нескольких денщиков (так называются русские слуги), из которых только немногие хороших фамилий, большая же часть незнатного происхождения. Однако ж почти все они величайшие фавориты и имеют большой вес. Теперь особенно в милости три или четыре: первый — племянник генерала Бутурлина, другой — Травеник¹², один из двух близнецов, до того друг на друга похожих, что их различают только по платью. Говорят, его величество царь, проезжая через Данциг, взял их к себе единственно по причине этого необыкновенного сходства. Родители их простого происхождения. Того из них, который не сумел поддаться под его вкус, он отдал царице. Третий фаворит и денщик — Татищев, из русской фамилии; четвертый и последний — Василий, очень незнатного происхождения и человек весьма невзрачный. Царь поместил его, как бедного мальчика, в хор своих певчих, потому что у него был, говорят, порядочный голос; а так как его величе-

ство сам, по воскресеньям и праздникам, становится в церкви с простыми певчими и поет вместе с ними, то он скоро взял его к себе и до того полюбил, что почти ни минуты не может быть без него. Оба последние самые большие фавориты, и хотя Татищева считают величайшим, потому что он почти всегда обедает с царем, когда его величество бывает один или в небольшом обществе, однако ж я думаю, что тот имеет перед ним большое преимущество: царь иногда раз сто берет его за голову и целует, также оставляет знатнейших министров и разговаривает с ним. Удивительно, как вообще большие господа могут иметь привязанность к людям всякого рода. Этот человек низкого происхождения, воспитан как все простые певчие, наружности весьма непривлекательной и вообще, как из всего видно, прост, даже глуп, — и несмотря на то, знатнейшие люди в государстве ухаживают за ним. Господин Ягужинский, который еще до сих пор в большой милости, был сперва также денщиком царя; одни говорят, что он бедный польский дворянин, другие уверяют, что сын немецкого кистера¹³ в Москве. У него есть брат, полковник здешней же службы, который однако ж далеко не может равняться с ним умом и способностями.

Вскоре после нашего прихода в сад его величество оставил гвардейцев и пошел к ее величеству царице, которая осыпала его ласками. Побыв у нее несколько времени, он подошел к вельможам, сидевшим за столами вокруг прекрасного водомета, а государыня между тем пошла с своими дамами гулять по саду. После этого я стал рассматривать местоположение сада и, между прочим, увидел прелестную молодую дубовую рощицу, насаженную большею частию собственными руками царя и находящуюся прямо против окон царского Летнего дворца. Так как здешнее духовенство обыкновенно также принимает участие во всех празднествах, то оно и в этот день собралось в большом числе и для своего удовольствия выбрало самое живописное и приятное место, именно эту рощу. Я нарочно оставался там несколько времени, чтоб отчасти полюбоваться на многие молодые и чрезвычайно прямые деревья, отчасти посмотреть хорошенько на духовенство, сидевшее за круглым столом, уставленным кушаньями. Духовные лица носят здесь одежду всех цветов, но знатнейшие из них имеют обыкновенно черную, в виде длинного кафтана, и на голове длинные монашеские покрывала, закрывающие плечи и спину. Многие своими бородами и почтенным видом внушают к себе какое-то особенное уважение.

Наконец я очутился опять на том месте, где остался царь, и нашел его там сидящим за столом, за который он поместился с самого начала. Постояв здесь с минуту, я услышал спор между монархом и его шутом Ла Коста, который обыкновенно

оживляет общество. Этот Ла Коста из жидов и человек чрезвычайно хитрый; прежде он был маклером в Гамбурге. Дело было вот в чем: Ла Коста говорил, что в Св. Писании сказано, что «многие придут от востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом»; царь опровергал его и спрашивал, где это сказано? Тот отвечал: «В Библии». Государь сам тотчас побежал за Библиею и вскоре возвратился с огромною книгою, которую приказал взять у духовных, требуя, чтобы Ла Коста отыскал ему то место; шут отозвался, что не знает, где именно находятся эти слова, но что может уверить его величество, что они написаны в Библии. «Еу, еу», отвечал государь, по своему обыкновению, по-голландски: «Dat is naar apraht, jy saudt ju Dagen nicht darin vinden (все вздор, там нет этого)». В это самое время проходила мимо царица с принцессами, и так как для меня гораздо любопытнее было видеть их, чем слушать этот спор, то я последовал за дамами и старался познакомиться с некоторыми из них. Когда все они опять сели, я возвратился на свое прежнее место, но царя там уже не было. Меня уверяли, что Ла Коста прав; что приведенные им слова действительно находятся в Библии, именно у Матфея, гл. 8, ст. 11 и 12¹⁴. Вскоре после того появились дурные предвестники, вселившие во всех страх и трепет, а именно человек шесть гвардейских grenadiers, которые несли на носилках большие чаши с самым простым хлебным вином¹⁵; запах его был так силен, что оставался еще, когда grenadiers уже отошли шагов на сто и повернули в другую аллею. Заметив, что вдруг очень многие стали ускользать, как будто завидели самого дьявола, я спросил одного из моих приятелей, тут же стоявшего, что сделалось с этими людьми и отчего они так поспешно уходят? Но тот взял меня уже за руку и указал на прошедших grenadiers. Тогда я понял, в чем дело, и поскорее отошел с ним прочь. Мы очень хорошо сделали, потому что вслед за тем встретили многих господ, которые сильно жаловались на свое горе и никак не могли освободиться от неприятного винного вкуса в горле. Меня предупредили, что здесь много шпионов, которые должны узнавать, все ли отведали из горькой чаши; поэтому я никому не доверял и притворялся страдающим еще больше других. Однако ж один плут легко сумел узнать, пил я или нет: он просил меня дохнуть на него. Я отвечал, что все это напрасно, что я давно уже выполоскал рот водою; но он возразил, что этим его не уверишь, что он сам целые сутки и более не мог избавиться от этого запаха, который и тогда не уничтожишь, когда накладешь в рот корицы и гвоздики, и что я должен также подвергнуться испытанию, чтоб иметь понятие о здешних празднествах. Я всячески отговаривался, что не могу никак пить хлебного вина; но все это ни к чему бы

не повело, если б мнимый шпион не был хорошим моим приятелем и не вздумал только пошутить надо мною. Если же случится попасть в настоящие руки, то не помогают ни просьбы, ни мольбы: надобно пить во что бы то ни стало. Даже самые нежные дамы не изъяты от этой обязанности, потому что сама царица иногда берет немного вина и пьет. За чашею с вином всюду следуют майоры гвардии, чтобы просить пить тех, которые не трогаются увещаниями простых гренадер. Из ковша, величиною в большой стакан (но не для всех одинаково наполняемого), который подносит один из рядовых, должно пить за здоровье царя, или, как они говорят, их полковника, что все равно. Когда я потом спрашивал, отчего они разносят такой дурной напиток, как хлебное вино, мне отвечали, что русские любят его более всех возможных данцигских аквавит* и французских водок (которые, однако ж, здешние знатные очень ценят, тогда как простое вино они обыкновенно только берут в рот и потом выплевывают) и что царь приказывает подавать именно это вино из любви к гвардии, которую он всячески старается тешить, часто говоря, что между гвардейцами нет ни одного, которому он бы смело не решился поручить свою жизнь.

Находясь в постоянном страхе попасть в руки господ майоров, я боялся всех встречавшихся мне и всякую минуту думал, что меня уж хватают. Поэтому и бродил по саду как заблудшийся, пока наконец не очутился опять у рожицы близ царского Летнего дворца. Но на этот раз я был очень поражен, когда подошел к ней поближе: прежнего приятного запаха от деревьев как не бывало, и воздух был там сильно заражен винными испарениями, очень развеселившими духовенство, так что я чуть сам не заболел одною с ним болезнью. Тут стоял один до того полный, что, казалось, тотчас же лопнет; там другой, который почти расставался с легкими и печенью; от некоторых шагов за сто несло редькой и луком; те же, которые были покрепче других, превесело продолжали пировать. Одним словом, самые пьяные из гостей были духовные, что очень удивляло нашего придворного проповедника Ремариуса, который никак не воображал, что это делается так грубо и открыто.

Узнав, что в открытой галерее сада, стоящей у воды, танцуют, я отправился туда и имел наконец счастье видеть танцы обеих принцесс, в которых они очень искусны. Мне больше нравилось, как танцует младшая принцесса; она от природы несколько живее старшей.

Когда стало смеркаться, принцессы удалились с своими дамами. Так как царь и царица (оставившая, впрочем, своих дам) также в это время отлучились, то нас стали уверять, что мы

* От латин. *aqua vitae* — букв.: жизненная влага.

возвратимся домой не прежде следующего утра, потому что царь, по своему обыкновению, приказал садовым сторожам не выпускать никого без особого дозволения, а часовые, говорят, в подобных случаях бывают так аккуратны, что не пропускают решительно никого, от первого вельможи до последнего простолюдина. Поэтому знатнейшие господа и все дамы должны были оставаться там так же долго, как и мы. Все это бы ничего, если б, на беду, вдруг не пошел проливной дождь, поставивший многих в большое затруднение: вся знать поспешила к галереям, в которых заняла все места, так что некоторые принуждены были стоять все время на дожде.

Эта неприятность продолжалась часов до двенадцати, когда наконец пришел его величество царь, в простом зеленом кафтане, сделанном наподобие тех, которые носят моряки в дурную погоду (перед тем же на нем был коричневый с серебряными пуговицами и петлицами); шляпу он почти никогда не надевает, приказывая носить ее за собою одному из своих денщиков. Войдя в галерею, где все ждали его с большим нетерпением и потому чрезвычайно обрадовались этому приходу, в надежде скоро освободиться, он поговорил немного с некоторыми из своих министров и потом отдал приказание часовым выпускать. Но так как выход был только один и притом довольно тесный, то прошло еще много времени, пока последние выбрались из сада. Кроме того, надобно было также проходить, недалеко от сада, через небольшой подъемный мост на малом канале, и только пройдя через него всякий мог без затруднения спешить домой. <...>

29-го, в день св. Петра и Павла, было тезоименитство царя, которое здесь почти более празднуется, чем день его рождения. Около 11-ти часов утра его высочество с камергером Нарышкиным и со всею своею свитою отправился в длинную галерею, находящуюся в аллее, которая ведет к царскому саду. Там они остались и ожидали его величество царя, который скоро приплыл на верейке с противоположной стороны, из церкви¹⁶, при пущечной пальбе с крепости. Когда царь подъехал к галерее, его высочество с иностранными министрами и некоторыми из нашей свиты сошел вниз по маленькой лестнице, ведущей к воде, и встретил его величество, который, по своему обыкновению, тотчас нежно обнял и поцеловал его, поблагодарив за поздравление. Отсюда царь пошел скорыми шагами (так, что немногие поспевали за ним) к площадке против галереи, где стояла в строю вся гвардия, как в день празднования коронации. После первого залпа из ружей он хотел поспешно удалиться: вероятно, ему или очень хотелось кушать (так как он обыкновенно обедает в 11 ча-

сов), или он был занят какими-нибудь мыслями и забыл об обычном порядке, по которому эти залпы повторялись три раза. Но князь Меншиков побежал за ним и спросил, не угодно ли ему будет остаться до окончания стрельбы. Тогда царь воротился, выждал, пока все кончилось, и ушел, попросив его высочество опять приехать в сад после обеда. Уходя, он сильно тряс головой и подымал плечи, что было признаком, что мысли его заняты чем-нибудь и что он в дурном расположении духа. Его высочество поэтому тотчас отправился домой и смотрел из окна на гвардейские полки, проходившие с громкою музыкой мимо его дома. <...>

Июль

25-го его королевское высочество поехал на обед к великому канцлеру Головкину (куда был приглашен еще накануне) нарочно пораньше, потому что там ожидали также и царскую фамилию. Его высочество, как и в первый раз, был встречен молодым Головкиным на мосту перед домом, после чего на балконе заиграли на трубах. Сам великий канцлер встретил герцога внизу на крыльце и повел его в комнату, где был накрыт царский стол и где собрались уже почти все здешние вельможи, которые, один за другим, подходили и приветствовали его высочество. Вслед за тем приехал царь, и хозяин встретил его, также при звуках труб, внизу перед домом. Его высочество, узнав об его приезде, тоже поспешил к нему навстречу. В сенях государь нежно обнял его и потом, по обыкновению своему, пошел прямо к столу, на котором были уже поставлены холодные кушанья. Царицу также ожидали, но пришло известие, что она не будет по причине нездоровья, почему дамы сейчас же сели за стол. Когда царь сел на свое место, подле него с правой стороны, без церемоний, поместился один из его любимцев, Иван Михайлович Головин (учившийся вместе с царем кораблестроению), так что его высочество должен был сесть подле царя с левой стороны. Возле его высочества сел князь Меншиков, а возле него тайный советник Бассевич. Прочие здешние вельможи и наши кавалеры разместились как кому пришлось. Дамы сидели в смежной комнате совершенно отдельно, за большим круглым столом; у них не было никого из мужчин, кроме молодого Трубецкого, который разрезывал им кушанья. В других комнатах было накрыто еще два стола для тех, кому не достало места за царским столом. Камер-юнкер и я во все время обеда стояли позади герцога, и когда он встал, домашний секретарь канцлера повел нас к одному из названных столов, но мы недолго занимались своим обедом,

потому что подавали нам плохие кушанья. Хозяин с сыном во весь обед ходил вокруг царского стола и сам подавал напитки государю, а раза два и его высочеству. Полный оркестр царицы, за отсутствием ее величества, начал было играть недалеко от мужского стола, но скоро должен был умолкнуть по приказанию царя, который небольшой охотник до музыки. У дамского стола, где на первых местах сидели княгиня Меншикова, княгиня Черкасская и сестра Меншиковой¹⁷, прислуживали обе дочери канцлера. К концу обеда там подавали разные сласти, чего за столом царя никогда не бывает. За обедом его величество забавлялся с царицыным кухмистером, который накрывал на столы и распоряжался при подаче кушаний¹⁸. Когда тот хотел поставить какое-то блюдо, царь схватил его за голову и начал приставлять к ней пальцы в виде рогов. Дело в том, что когда-то у него была очень распутная жена; но это обстоятельство, должно быть, не слишком огорчало его, потому что на воротах его дома до сих красуются олени рога, прибитые туда по приказанию царя. Государь всякий раз, как увидит его, показывает ему пальцами рога; а если поймает, то держит с четверть часа и все дразнит этим, так что тот, чтоб освободиться, иногда сильно бьет его величество по пальцам и только тем от него избавляется. В этот раз за него ухватились также Иван Михайлович и царские денщики, которые помогали держать его сзади. Несколько времени ему было очень трудно вырваться; но со всем тем он хватал царя за руки с такою силою, что я каждую минуту боялся, что он переломает ему пальцы (человек этот очень силен, и если что схватит, то хорошо схватит). Вскоре после обеда царь уехал опять в своей шлюпке домой на послеобеденный отдых; он никогда не ездит в барках, как здешняя знать, употребляющая их для большего удобства. Хотя его величество и уверял, что скоро возвратится, однако ж опять не приехал. <...>

27-го. <...> После обеда, когда пушечным выстрелом возвестили о спуске корабля, о котором говорил царь во время последней прогулки по реке, его высочество сел в свою барку и поехал в Адмиралтейство. Его величество царь был уже там и прилежно трудился над приготовлениями к спуску. Он всегда сам смотрит за всем, даже сам строит корабли, потому что, как говорят, знает это дело едва ли не лучше всех русских. Увидев герцога, он обнял его, отвел немного в сторону и стал ему говорить что-то на ухо, его высочество отвечал таким же образом и потом, когда царь сказал еще несколько слов, подтверждая их телодвижениями, радостно поцеловал ему руку, а он взял его высочество за голову и поцеловал, после чего снова поспешил к кораблю, чтоб осмотреть, не забыто ли что-нибудь. Немного

спустя, он возвратился и повел нас на корабль, где с герцогом и со всею его свитою прополз под подмостки у кия, чтобы показать, как корабль сделан снизу и чем облегчается спуск его на воду. Потом он один еще раз обошел вокруг корабля и осмотрел, все ли приготовлено как нужно: его величество в таких случаях верит только собственным глазам. Найдя, что все готово, он взошел на корабль и приказал начать его освящение. Его высочество последовал за царем. Обряд освящения совершал епископ новгородский¹⁹ в задней каюте, наверху, где после кушала ее величество царица. Новый корабль получил имя «Пантелеймон», т. е. победа²⁰

По окончании церемонии царь тотчас сошел с него и повел его высочество к тому месту у воды, где можно было стоять и хорошо видеть спуск, но сам не остался там, потому что должен был собственноручно сделать первый удар при отнятии подмостков. Так как это было лучшее место, то и князь Меншиков, с некоторыми другими вельможами, стал возле его высочества. Я был дежурным и потому, не отходя от герцога, мог все очень хорошо видеть. Царица с обеими принцессами и со всею своею свитою вышла на берег на противоположной стороне реки (которая в том месте очень узка), именно на Васильевском острове, откуда смотреть было очень удобно.

Рядом с новым кораблем стоял, также на штапеле, большой старый французский корабль, вынутый из воды тем же мастером, который строил новый и которого нарочно для того выписали из Франции, потому что никто из здешних мастеров не решался взяться за это дело. Француз этот знаменитый, весьма опытный корабельщик и до сих пор считается во французской службе²¹. К царю он отпущен королем только на несколько лет, но ведет здесь такую разгульную жизнь, что постоянно бывает пьян с утра до вечера. Так как для поднятия старого корабля требовалось много времени и притом не всегда можно было приступить к такой работе, то ему поручили выстроить между тем новый, который он сделал по образцу того, только несколько покороче. Теперь этот старый корабль был до того наполнен народом, что из всех люков выглядывали головы. Я заметил там и некоторых из наших служителей. Корабль, назначенный к спуску, был прикреплен большими железными балками к полозьям (Schlitten), намазанным жиром, с которых он съезжает на воду, когда поперечные балки, держащие его с обеих сторон на штапеле, снизу вдруг отнимаются и в то же время отдергиваются веревками. При отнятии задней балки корабль сперва медленно спустился со штапеля, но потом как стрела слетел на воду, причем полозья сломались вдребезги и оставили на нем несколько балок, которые уже потом были сбиты. Когда он пошел по воде, с него

раздались звуки литавр и труб, смешавшиеся с шумными восклицаниями народа, стоявшего на старом корабле и по берегу. В то же время началась пушечная пальба в крепости и в Адмиралтействе.

Выплыв на средину реки, корабль повернулся и шел несколько времени по течению воды, потом остановился на якоре. Этот счастливый спуск несказанно радовал царя, который, лишь только корабль сошел на воду, тотчас поехал на него в своей шлюпке и стал принимать всех гостей, спешивших туда один за другим. Его королевское высочество, пробравшись через толпу до своей барки, также спешил отплыть, потому что все разом бросились к лодкам и каждый хотел прежде других поздравить государя на новом корабле. Только что герцог взошел на палубу и поздравил его величество, приехала и царица, которую царь встретил и повел в самую верхнюю каюту.

Затем все сели за стол: дамы с царицею наверху, а царь с мужчинами в другой каюте, внизу. Столы были уже накрыты и уставлены холодными кушаньями, когда корабль спустился со штапеля. Стол, за которым сидел в своей каюте царь вместе с его высочеством и другими знатными особами, был поставлен таким образом: П- и занимал всю комнату. Его высочество сидел возле царя с левой стороны. При подобных празднествах мало обращают внимания на этикет, и все обыкновенно садятся как придется. Подле царя, с правой стороны, сидел Иван Михайлович (Головин), как первый корабельный мастер; рядом с ним — француз, строивший корабль; потом следовали один за другим все царские корабельные мастера. Против его высочества сидели: тайный советник Бассевич, конференции-советник Альфред, бригадир Ранцау, голландский резидент и несколько корабельных работников. Подле его высочества находился тайный советник Геспен. Около генерал-майора Штенфлихта сидело много офицеров и генералов. На одном конце стола расположился князь-папа²² со всеми своими кардиналами. Против князя Меншикова сидел великий адмирал Апраксин, а около него, справа и слева, все сенаторы и другие вельможи. Перед каютой стояло еще несколько столов, за которые поместились все прочие находившиеся здесь гости.

Царь, увидев, что позади его высочества стоят два кавалера, просил, чтоб одному из них позволено было сесть, после чего герцог сказал нам, что кто-нибудь из нас может идти. Камер-юнкер Геклау пошел и сел за один из поставленных перед каютою столов, а я радовался, что мог остаться на своем месте позади его высочества. В то время я страшно боялся попоек, особенно зная, что здесь никогда так сильно не пьют, как при спусках кораблей. Товарищ мой несколько раз подходил ко мне

и спрашивал, не сменить ли ему меня, но я все отказывался. Когда царь начинал тосты, с фрегата, стоявшего впереди корабля, стреляли из пушек. Вечером этот фрегат был иллюминирован маленькими фонарями, развешанными по главным снастям, по верхушкам большой и малой мачт и вокруг по борту, что при темноте было очень красиво. Его королевское высочество приказал привезти для себя на корабль свои напитки, именно красную и белую хлебную воду, и пил за столом последнюю с небольшою примесью вина; но царь, вероятно, заметил это, потому что взял у его высочества стакан и, попробовав, возвратил с словами: «*De Wien dogt niet* (Твое вино никуда не годится)». Герцог отвечал, что употребляет его тогда только, когда чувствует себя не совсем здоровым. Но царь возразил: «*De Wien is mehr schadlich, als min Wien* (Твое вино вреднее моего)», и налил ему в стакан из своей бутылки крепкого и горького венгерского, которое обыкновенно кушает. Его высочество нашел его отличным, но прибавил, что оно очень крепко, на что государь сказал: «*Dat is war, mar he is gesund* (Это правда, но за то оно и здорово)». Он дал после того попробовать этого вина конференции-советнику Альфреду и тайному советнику Бассевичу. Последний, будучи дома чем-то занят, только что приехал на корабль; увидев его, царь воскликнул: «О, Бассевич! штраф! штраф!». Тот старался извиниться, но напрасно: его величество приказал подать четыре большие стакана венгерского (из кубков государь кушает редко; обыкновенно он говорит, что если не наливать их до полна, то глупо возиться понапрасну с такою тяжелою посудой). Тайный советник хотел взять один из них; но царь сказал, что они все налиты для него, потому что в его отсутствие было провозглашено три тоста, за пропуск которых прибавлен еще четвертый стакан как штрафной. Г Бассевич поспешил выпить их один за другим, и тогда только его величество позволил ему сесть за стол. После царь спросил герцога, какого вина он желает для себя, и когда тот отвечал, что бургонского, приказал своему маршалу подать бутылку этого вина и затем, предложив из своих рук его высочеству небольших стакана два венгерского, предоставил ему свободу пить что и сколько угодно. Его высочество шепнул мне, чтоб я в такую же плетеную бутылку, в какой было бургонское, налил красной воды и смешал ее немного с вином, что я и сделал, спровадив потихоньку бургонское и поставив на его место бутылку с водою. До сих пор пили еще немного, почему беспокойный князь-папа прилежно упрашивал царя пить, и если слова его не действовали, кричал как сумасшедший, требуя вина и водки. Но скоро многие принуждены были пить более, нежели думали: царь узнал, что за столом, с левой стороны, где сидели министры, не все тосты пили чистым вином или, по крайней мере, не теми

винами, какими он требовал (в такие дни о французском белом вине и о рейнвейне он и слышать не хочет; для каждого вновь спускаемого корабля он приказывать выдавать Адмиралтейству 1000 рублей на вино и кушанье; последнее обходится недорого, потому что бывает только холодное и не слишком изысканное, но вино, которого выпивается страшное количество, стоит очень много). Его величество сильно рассердился и приказал всем и каждому за столом выпить в наказание, в своем присутствии, по огромному стакану венгерского. Так как он велел наливать его из двух разных бутылок и все пившие тотчас страшно опьянели, то я думаю, что в вино подливали водку. С этой минуты царь ушел наверх к царице и более не возвращался. Перед тем он был очень милостив, несколько раз обнимал его высочество и многократно уверял его в своей дружбе и покровительстве, много говорил также с сидевшим против него тайным советником Бассевичем, который часто вставал с своего места и отвечал ему на ухо, после чего его величество в сильных словах подтверждал, что будет заботиться о его высочестве и не пропустит случая оказать ему помощь, словом, устроит все так, что его высочество будет вполне доволен и не найдет причин жаловаться. Герцог, после всех этих уверений, поцеловал ему руку, а тайный советник Бассевич от души сказал: «Бог щедро вознаградит за это ваше величество!» Царь, как сказано, не возвращался более вниз. Уходя в неудовольствии к царице, он поставил часовых, чтоб никто и ни под каким видом не мог уехать с корабля до его приказания. <...>

Август

1-го. <...> Непостижимо, как царь, несмотря на трудную и продолжительную войну, мог в столь короткое время построить Петербург, гавани в Ревеле и Кронслоте, значительный флот и так много увеселительных замков и дворцов, не говоря уже о каналах по государству, начатых им только в последнее время и местами уже совершенно готовых! Но еще удивительнее введенная им военная дисциплина, учреждение Коллегий, о которых здесь еще за несколько лет ничего не знали, и в особенности преобразование всей русской нации! Одним словом, он совершил дела, в которых едва ли сравнится с ним кто-либо из государей, и если русские не чувствуют этого вполне и в настоящее время еще мало ему благодарны (потому что при нем не могут лежать на боку, как бывало в старину), то я уверен, что потомки их будут в полном смысле наслаждаться плодами нынешнего царствования. <...>

3-го августа, утром, его высочество получил через молодого Трубецкого приглашение приехать на царский корабль «Ингерманландия». С прибытием туда герцога все якоря по данному сигналу были подняты, и царь объявил его высочеству, что хочет повеселить его морскими маневрами, для которых, чтоб иметь более места, необходимо выйти далее в открытое море. Корабли двинулись на несколько верст вперед, без особенного порядка, но подойдя к месту, где должно было происходить сражение, они выстроились в две линии, по 9-ти кораблей в каждой. Царь командовал правою, а князь Меншиков левою. Его величество, в качестве командующего, находился на среднем корабле, пятом в линии, и держался прямо против пятого же другой линии. Все сигналы подавались с этих двух адмиральских кораблей посредством вымпелов или флагов, из которых каждый имеет свое значение и тотчас же поднимается и на других кораблях. Для хранения сигнальных флагов сделаны, говорят, особые ящики, на которых они, для скорейшего их приискания, нарисованы в миниатюре. Кроме того, при них на кораблях вывешивается еще доска, где они также все нарисованы и где находится объяснение каждого на русском и голландском языках. По ней наша свита при появлении сигналов могла сейчас видеть, в чем заключалась воля царя и что он приказывал кораблям. Этот флот, составленный из двух линий, маневрировал более часа, сопровождая свои движения то ружейными, то пушечными залпами. Во всем сохранялся удивительный порядок, и зрители имели много удовольствия, тем более, что дым от сильной пальбы не проходил на их сторону и что ядер и пуль нечего было опасаться. По окончании этого великолепного увеселения корабли стали опять возвращаться туда, где стояли на якорях, и тут можно было видеть, который из них шел лучше, потому что на каждом употреблялись все усилия, чтобы прийти вовремя на прежнее место. В продолжение маневров и морского сражения они должны были поднимать и направлять свои паруса смотря по тому, какой требовался ход, чтоб постоянно оставаться друг против друга, но на обратном пути каждому из них предоставлена была свобода делать все возможное для обогнания других. Царь, говорят, приказал арестовать несколько флотских капитанов за то, что они в сражении иногда не совсем держались в линии; но на другой день их освободили. По этому случаю у государя был сильный спор с контр-адмиралом Сиверсом, который слишком горячо принял сторону офицеров и приписывал недоразумения отчасти ему самому. Все присутствовавшие не могли надивиться терпению его величества во время этого спора. На другой день, 4-го августа, его величество царь был с его высочеством на 6-ти или 7-ми военных кораблях, где сам все показывал и объяснял. В этот день

много пили, потому что на каждом корабле были угощения. От них будто бы даже и наш герцог был порядочно навеселе. <...>

Сентябрь

16-го его величество царь, с 50-ю или 60-ю масками, приехал обедать к его королевскому высочеству. Он был чрезвычайно весел, много пил, даже танцевал по столам и пел песни. Мы убедились из этого, что он иногда может быть в прекрасном расположении духа, особенно если окружающие его лица ему не противны. Его приближенные, в том числе фавориты и шуты, умеют пользоваться такими случаями и бывают с ним свободны как с товарищем. В таком веселом расположении его величество пробыл у нас до 8-ми часов вечера. В это день прибывший сюда императорский австрийский посол, граф Кинский, присылал уведомить его королевское высочество о своем приезде. Герцог знал его еще прежде в Бреславле; он человек чрезвычайно приятный и приветливый.

17-го его королевское высочество и все другие маски были после обеда в Адмиралтействе, где закладывали киль для военного корабля. Главный строитель Головин, он же и генерал-майор по армии, учившийся кораблестроению вместе с царем в Голландии (но знающий немного и получивший это звание только в качестве царского любимца), должен быть вбить первый гвоздь и прежде всех помазать немного киль дегтем, после чего прочие корабельщики, в том числе и сам царь, последовали его примеру. Его величество трудился и работал усерднее всех. По этому случаю в Адмиралтействе палили из пушек. Их величества со всеми присутствовавшими прошли потом в флаговый зал, где приготовлена была закуска. В этом зале развешаны под потолком все флаги, знамена и штандарты, отнятые в продолжение последней войны у шведов. Побыв там несколько времени, все отправились в новый дом великого адмирала (один из лучших во всем Петербурге, но еще неотделанный), где с галерей смотрели на травлю льва с огромным медведем, которые оба были крепко связаны и притянуты друг к другу веревками. Все думали, что медведю придется плохо; но вышло иначе: лев оказался трусливым и почти вовсе не защищался, так что если б медведя вовремя не оттащили, он непременно одолел бы его и задушил. Травля продолжалась недолго, потому что царю не хотелось потерять льва.

От Апраксина ее величество царица со многими дамами и кавалерами поехала к его королевскому высочеству, где, после

закуски и кофе, несколько часов танцевали. Часов в восемь государыня уехала, но прочие дамы оставались еще с час и продолжали танцевать. Когда все посторонние разъехались, его высочество с некоторыми из нас отправился на реку и рассматривал иллюминацию, причем с нами были и наши валторнисты.

Проезжая мимо царского дворца, мы видели у окна обеих прицесс, которые, к величайшему сожалению его высочества, не участвовали в маскараде и оставались только зрительницами. Сегодня окончился маскарад, и хотя в продолжение 8-ми дней наряженные не постоянно собирались, однако ж никто, под штрафом 50 рублей, не смел все это время ходить иначе, чем в маске. Поэтому все радовались, что удовольствия на первый раз кончились. <...>

Октябрь

17-го у его королевского высочества обедали многие шведы, в том числе и Вагенер, капитан шведского фрегата, привезшего сюда Кампредона; он перед тем уже обедал у царя, который кушает обыкновенно в 11 часов. Этот капитан Вагенер, родом лифляндец и человек очень веселый и приятный, с восторгом говорил о милостивом к нему внимании царя как в Крондштадте, так и здесь. Он рассказывал, что 14-го числа его величество приезжал к нему на корабль, который так любопытен был видеть, что даже не стал говорить с Кампредоном на твердой земле, а просил его идти за собою на фрегат. Капитан салютовал приезд царя из всех своих пушек, так что от потрясения в каюте почти все окна разбились вдребезги. После того, по желанию государя, он угощал его корабельным обедом, причем царь пил за здоровье короля шведского, а капитан тотчас отвечал тостом за здоровье царя. Немного спустя царь провозгласил тост за счастливый мир, а капитан, с своей стороны, предложил еще другой и, когда царь спросил, за чье здоровье, сказал, что так как на фрегате приехал сюда французский министр, то прилично было бы выпить за здоровье его короля. Его величество очень охотно согласился. Затем царь пил еще за здоровье королевы шведской, а капитан за здоровье царицы. Каждый тост сопровождался 16-ю пушечными выстрелами, но когда царь начал пить за здоровье всех храбрых моряков, капитан, для отличия, приказал сделать только 8 выстрелов. Одним словом, царь пробыл у него около пяти часов, осмотрел с большим вниманием все углы корабля до малейших подробностей, входил даже в пороховую камеру, и остался всем очень доволен. При его отъезде капитан опять салютовал ему из всех пушек. На другой день его величество пригласил капитана к себе, водил его по всем своим

кораблям, показывал все в подробности, и тот остался, кажется, также доволен здешними кораблями, потому что очень хвалил их устройство и уверял, что оно лучше и быть не может. Царь, говорят, просил после капитана сообщить ему список всего экипажа, которому намерен сделать подарки. Этот шведский фрегат, который из Стокгольма отплыл 6-го, а в Кронштадт прибыл 12-го числа, называется «Черным орлом», имеет 34 пушки и 212 человек экипажа. <...>

22-го. По случаю празднования в этот день мира с особенным торжеством²³, для которого уже давно делались большие приготовления, я заблаговременно отправился на другую сторону реки, чтобы посмотреть на церемонии, назначенные во время и после богослужения в церкви Св. Троицы, где находились уже его величество царь и все русские вельможи. Там, по окончании литургии и прочтении ратификации заключенного с Швециею мира, архиепископ псковский²⁴ сказал превосходную проповедь, текстом которой был весь первый псалом и в которой он, изобразив все труды, мудрые распоряжения и благодеяния его величества на пользу его подданных в продолжение всего царствования и особенно в минувшую войну, объявил, что государь заслужил название Отца Отечества, великого императора. После чего весь Сенат приблизился к его величеству, и великий канцлер Головкин, после длинной речи, просил его, от лица всех государственных сословий, принять, в знак их верноподданнической благодарности, титул *Петра Великого, Отца Отечества и Императора Всероссийского*, который был повторен за ним и провозглашен всем Сенатом. За несколько дней перед тем государь повелел Сенату объявить по всему государству, что он все милостивейше дарует прощение и свободу всем находящимся под стражею и преступникам, кроме убийц и обвиняемых в преступлениях выше разбоя, так что освобождались даже и те, которые злоумышляли против его особы и были осуждены вечно на галеры; кроме того, что прощает все недоборы и недоимки с начала войны по 1718-й год (суммою на многие миллионы), потому что считает долгом благодарить Всевышнего за милость, оказанную как при заключении мира, так и в прежнее время, и лучшим средством для выражения такой благодарности полагает оказать милость же и хоть сколько-нибудь помочь страждущим. Этот указ был немедленно обнародован по всему государству, и Сенат, в знак признательности, положил поднести царю помянутый титул, для чего и отправил к его величеству депутацию с всеподданнейшею просьбою принять его. Сначала государь, из скромности, не решался на это и пригласил к себе на другой день некоторых сенаторов и двух знатнейших архиепископов, чтоб

отклонить такую просьбу; но благодаря их убеждениям и доводам изъявил наконец всемилостивейшее согласие на принятие нового титула. По окончании речи великого канцлера²⁵, среди радостных восклицаний внутри и вне церкви, при звуках труб и литавр, началась пальба из всех пушек крепости, Адмиралтейства и ста пятидесяти галер, прибывших накануне в ночь и расставленных по реке против здания Сената. В то же время загремел беглый огонь 27-ми полков, возвратившихся из Финляндии в составе 27 000 человек. Его величество отвечал Сенату следующими краткими, но достопамятными словами: «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь Бог прошедшею войною и заключением сего мира нам сделал. Надлежит Бога всею крепостию благодарить, однако ж, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией Греческою. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог нам пред очи кладет, как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ». Сенат после того приносил монарху всеподданнейшую благодарность, а во время пения «Тебе Бога хвалим» и чтения Евангелия началась опять, как в первый раз, пальба вместе с музыкою и барабанным боем всех полков, стоявших перед Сенатом. По прочтении митрополитом рязанским благодарственной молитвы, которой все присутствовавшие внимали коленопреклоненные, пальба возобновлялась в третий и последний раз.

Ноябрь

8-го. <...> Тосты за здоровье были обыкновенные. За обедом много смеялись, частью над тем поручиком гвардии, который может так страшно хохотать и о котором я уже упоминал как-то, частью над старым Иваном Михайловичем²⁶, отцом невесты, сидевшим против императора, который все с ним шутил. Кто не видел, тот не может представить себе, какое огромное количество желе съедает этот старик с величайшею поспешностью. Он взял себе (я не лгу) большое блюдо, уставленное стаканами и блюдечками. Император, уже знавший его слабость, тотчас заметил это и велел ему открыть рот, а сам встал с своего места, взял стакан с желе и, отделив его ножом, влил одним разом тому в горло, что повторял несколько раз и даже своими руками открывал Ивану Михайловичу рот, когда он разевал его не довольно широко. Бедный дружка (молодой князь Трубецкой) также терпел немало за столом императрицы: лишь только государыня подавала знак, сестра его, княгиня Черкасская, прислуживавшая за обедом и стоявшая позади брата, начинала щекотать

ему под шеей, а он всякий раз принимался реветь как теленок, которого режут, что гостей очень потешало.

После обеда начались танцы, сперва церемониальные, точь-в-точь как в первый свадебный день, без всякой перемены. По окончании их его высочество пригласил императрицу на польский, который продолжался довольно долго; потом его высочество танцевал с новобрачною минуэт, а затем еще со многими дамами, потому что его часто выбирали. Ее величество императрица во все это время сидела под тем же балдахином, под которым сидела и за обедом. Император ходил взад и вперед или сидел то с своими министрами, то с императрицею; он обыкновенно помещался возле нее с правой стороны, а его королевское высочество, когда не танцевал, постоянно с левой, и ее величество (как почти всегда) много с ним разговаривала. Император был в очень хорошем расположении духа: когда танцевал какой-то граф (делавший сильные движения руками и всем телом), он начал сперва сидя подражать ему, чему императрица от души смеялась, потом, когда тот стал танцевать во второй раз, он встал, подошел к его высочеству и, показывая пальцами на танцевавшего, повторял все его телодвижения. Его высочество много смеялся этому. Так как меня, между прочим, пригласила на минуэт младшая Шафирова, то я потом, с своей стороны выбрал внучку новобрачного князя (дочь княгини Черкасской, лет двенадцати, с которою я уже познакомился, когда мы были в первый раз у князя валахского)²⁷; это, кажется, очень понравилось императрице, потому что она начала смеяться, потом долго говорила обо мне; герцог несколько раз назвал мою фамилию, из чего я и заключил, что императрица до тех пор не знала меня хорошенько по имени. Все были в восторге от моей маленькой, хорошенькой дамы, которая хоть и участвовала в первых церемониальных танцах, но минуэта в этот вечер еще не танцевала. Она и в самом деле заслуживает похвал и удивления, потому что, для своих лет, танцует как нельзя лучше; у нее, как и у матери, черные волосы, прекрасное правильное лицо и чудная фигура; манеры ее чрезвычайно милы.

После нескольких часов танцеванья император начал со всеми стариками один танец, которого я не могу назвать. Их было 8 или 9 пар, а именно император с императрицею, великий адмирал²⁸, новобрачный, вице-канцлер, князь валахский, генерал князь Голицын и другой князь Голицын, брат его, который исправлял должность маршала²⁹. Все они должны были танцевать с молодыми дамами. Старый генерал-майор Бутурлин и генерал-майорша Балк составляли девятую пару. Император, будучи очень весел, делал одну за другою каприоли обеими ногами. Так как старики сначала путались и танец поэтому всякий раз

должно было начинать снова, то государь сказал наконец, что выучит их весьма скоро, и затем, протанцевав им его, объявил, что если кто теперь собьется, тот выпьет большой штрафной стакан. Тогда дело пошло отлично на лад, но лишь только танец кончился и бедные старики, запыхавшиеся и едва стоявшие на ногах от усталости, сели отдыхать, как император снова начал танцевать польский, в котором они, не успев даже порядочно усестся, опять должны были участвовать, чем наконец утомил их до того, что они, наверно, не оправились и на другой день. Вслед за тем его величество хотел начать менуэт с императрицею, но так как она отказалась, боясь, может быть, чтобы это ему не повредило, и, вероятно, сама чувствуя усталость, то он взял ее под руку, пожелал всем спокойной ночи и уехал с величайшею поспешностью. За ними, простясь с новобрачными и детьми князя, уехал и его высочество. <...>

Декабрь

30-го, в день св. Андрея, в 10 часов утра, его величество император отправился со всеми наличными кавалерами ордена св. Андрея в церковь для слушания божественной литургии. Его величество сам учредил этот орден, который в большом уважении и дается только лицам не ниже генеральского чина. В 11 часов, когда пушечная пальба в крепости и Адмиралтействе дала нам знать, что богослужение кончилось (пальба из пушек, при всех здешних празднествах, возвещает об окончании обедни), его королевское высочество тотчас же поехал к князю, зная, что обед у него начнется немедленно по приезде кавалеров из церкви. Мы застали все общество уже за столом (гости не мешкали, да и не имели притом надобности ехать так далеко, как мы); поэтому князь тогда только увидел герцога, когда мы вошли уже в комнату, но он тотчас вскочил с своего места, побежал его высочеству навстречу и приветствовал его, потом посадил против императора, который с своей стороны, когда герцог подошел к столу, также встал и поклонился ему весьма милостиво. Орденских кавалеров было налицо только десять, и хотя число гостей было вообще велико, однако ж почти половина большого стола оставалась незанятою. Стол этот, по здешнему обычаю, был убран великолепно. Тосты, провозглашенные при мне, были следующие: во-первых, св. Андрею, патрону ордена и во-вторых — за здоровье семейства Ивана Михайловича (Головина), т. е. флота; этот тост никогда не забывается, и император, говорят, обещал Ла Косте 100 000 рублей, если когда-нибудь за обедом его пропустит, но за то и денщики, находящиеся при государе,

должны ему постоянно напоминать о нем. При первом тосте пили из огромного стакана, но князь Меншиков весьма ловко помогал нашему герцогу, для которого порция была слишком велика: налили ему почти столько же, сколько и другим, но лишь только его высочество выпил половину, князь (стоявший позади герцога) взял стакан и отдал его далее. Император легко мог все это заметить, если б хотел. Второй тост сошел для его высочества еще лучше: его предлагали ему два раза — сперва князь валахский, потом генерал Аллар, но стакан, по милости князя (который наливал его сам), оба раза переходил к другим, под предлогом, что его высочеству подадут другого вина, о чем, разумеется, потом и забыли. Должно быть, до нашего приезда был еще какой-нибудь тост, потому что император сказал герцогу, что его высочеству необходимо несколько щадить себя, что кроме трех стаканов, уже выпитых, ему предстоит сегодня выпить еще 27, а именно у каждого кавалера по три, и что тогда только он будет свободен. За обедом император вынул бумагу, в которую было завернуто около тридцати старых копеек, величиною ровно втрое против нынешних; по его словам, они были принесены последним наводнением к его увеселительному дворцу Монплезиру, и там найдены, когда вода спала. Его величество показывал их всему обществу как большую редкость, и когда его высочество, внимательно рассмотрев находившуюся у него в руках копейку, хотел, по примеру других, возвратить ее по принадлежности, государь сказал: «Behaut jy dat man, ick sau yu noch en Paar dartu geben» (Оставь ее себе, я прибавлю к ней еще пару)»; после чего он с большим тщанием отобрал еще две копейки из самых крупных и подал его высочеству, который принял их с благодарностью. Вскоре потом император встал, простился и уехал. <...>

1722 ГОД

Январь

21-го. <...> В этот день, вечером, в городе³⁰, при доме здешнего коменданта, сделался пожар, который однако ж, к счастью, был скоро потушен и не причинил особенного вреда, потому что один из ближайших домов сейчас сломали и таким образом остановили действие огня, да и ветер, слава Богу, был не сильный. Император, хотя опять ездил славить и, если смею так выразиться, уже порядочно покутил, однако ж, по обыкновению своему, с величайшею поспешностью явился на пожар и для примера другим, говорят, работал там как самый простой работник,

что и имело отличное действие. Я встретил его, когда он со всею своею свитою возвращался оттуда с намерением отправиться снова славить. Было уже совершенно темно, но он ехал так, как будто хотел разом загнать лошадей до смерти. Мне только и удалось рассмотреть, что поезд его состоял из 20-ти или 30-ти саней наподобие тех, какие вкратце описаны мною 9-го числа этого месяца. Все они были наполнены людьми, которые изо всей мочи свистали и пели. Где сидел император, я не мог разглядеть, но меня уверяли, что он ездил со всею этою свитою до утра следующего дня и что пили при том страшно. <...>

Февраль

6-го. <...> После обеда его высочество узнал, что император кушал в нашей Слободе и приедет к нему проститься, потому что не хочет, чтоб он нарочно приезжал за этим в Преображенское. В 4 или в 5 часов его величество подъехал с двумя денщиками, и его высочество встретил его внизу у крыльца. Нежно поцеловав герцога, он пошел наверх в его комнаты, где, будучи в очень хорошем расположении духа, пробыл с час, выпил несколько стаканов венгерского вина и говорил между прочим очень умно и с знанием дела о разных предметах. В особенности он так наивно и хорошо описывал свойства своих подданных, что любо было слушать. Когда его королевское высочество и другие господа, среди разговора, выразили свое удивление, что его величество, несмотря на тяжелое бремя правления, находит еще удовольствие в разного рода увеселениях, переносит усталость и даже занимается ручными работами, он отвечал, что в самом деле благодарит от глубины души за все это всемогущего Бога, что такая деятельность даже много способствует сохранению его здоровья, но в то же время уверял, что кабинетные его занятия — игрушка в сравнении с трудами, понесенными им в первые годы при введении регулярного войска и особенно при заведении флота; что тогда он должен был разом знакомить своих подданных (которые, по его словам, прежде предавались, как известно, праздности) и с наукою, и с храбростью, и с верностию, и с честью (очень мало им знакомою) и что это сначала стоило страшных трудов, потому что у русских (хотя, конечно, не у всех) существовала поговорка: бегство хоть и нечестно, да зато здорово; что теперь однако ж все это, слава Богу, миновалось, и он может быть покойнее. Потом он присовокупил еще, что с тех пор, как однажды у Нётебурга (или, по нынешнему, Шлюс-сельбурга) приказал для примера, во время штурма и перед всею армиею, на месте повесить несколько человек, хотевших

бежать, — не слыхал более о бегстве, и что после того только один раз под Шлюссельбургом ускользнул от него какой-то прапорщик; что, следовательно, нужно только уметь вовремя употребить средство и не быть ни слишком строгим, ни слишком снисходительным, и наконец, что надобно немало трудиться, чтоб хорошо узнать народ, которым управляешь. Высказав еще много других умных суждений об этом предмете, его величество завел речь об Олонецком источнике, который очень хвалил. При рассказе его о том, как он открыт и какие от него были чудесные исцеления, тайный советник Бассевич сказал, что желал бы также съездить туда и полечиться. Государь начал этому смеяться и, взяв его за щеки, примолвил: «Еу, ji hefft gar rode un dicke Backen, üm de Reise tho don, nödig tho haffen (Э, у тебя щеки слишком красны и толсты, чтоб туда ехать)»; но когда тайный советник сказал ему на ухо, для чего желал бы попользоваться источником, он отвечал: «Ну, это дело другое». Так как в это время приехали генерал Ягужинский и императорский маршал (Олсуфьев), то гости выпили еще несколько стаканов вина, поговорили немного и потом уже стали собираться ехать. Император простился весьма милостиво с герцогом и, на вопрос его, когда здесь опять будут иметь счастье видеть его величество, отвечал, что недель через пять или через шесть. Его королевское высочество, поручив себя затем его милости и постоянному расположению на будущее время, проводил его до саней. Государь еще раз нежно обнял его, сел в сани с двумя денщиками и уехал. Герцог, очень довольный, возвратился в свою комнату и еще в тот же вечер получил известие, что его величество в 7 часов выехал из Преображенского.

Март

25-го мы все собрались очень рано утром и в 6 часов поехали в Кремль, чтобы поздравить императора с Светлым Праздником. По приезде туда мы были проведены камергером Нарышкиным наверх, в залу, где собирается Синод (о которой я уже упоминал). Там находился теперь очень большой трон, обитый красным бархатом и золотыми галунами, которого в первое наше посещение еще не было: его поставили только недавно для его величества императора как президента Синода. Среди залы был накрыт стол, уставленный вареными яйцами, маслом и творогом. Богослужение продолжалось очень долго и мы прождали прихода императора до половины восьмого, прохаживаясь все время взад и вперед по комнате. Наконец узнав, что оно окончилось и что император идет, мы поспешили к нему навстречу.

Государь, увидев герцога, тотчас схватил его за голову и поцеловал, а тот поцеловал ему руку и подал прекрасно расписанное яйцо, которому он так обрадовался, что опять взял его высочество за голову и поцеловал; яйцо же рассматривал с любопытством и потом отдал одному из своих денщиков, накрепко приказав ему сберечь его в целости. По причине сильной тесноты это стоило последнему немало труда и забот. Так как с императором пришли и все вельможи, то начались бесконечные целования и поздравления. Относительно яиц в Светлый Праздник здесь существует особенный обычай, о котором считаю не лишним сказать несколько слов. У русских исстари ведется обыкновение давать в праздник Пасхи всем и каждому, кого встретишь, особенно же друзьям и знакомым, вареные яйца, окрашенные в разные цвета и всячески разрисованные, и говорить при этом: «Христос воскрес!» Тот, к кому обращаются с таким приветствием, с своей стороны берет яйцо, подает его и отвечает: «Воистину воскрес!» Поменявшись яйцами, встретившиеся целуются и могут таким образом одним яйцом отдарить сотню, даже тысячу людей, потому что за отданное тотчас получают другое. Но иногда может случиться, что за яйцо, стоящее полтину и даже рубль (а есть и такие, которые снаружи и внутри прекрасно расписываются и продаются по червонцу), получишь не стоящее и копейки; поэтому вместе с хорошим яйцом надобно всегда иметь с собою и простое, тем более, что непременно следует отдаривать того, кто христосует с вами. Этот обычай тем приятен, что во всю светлую неделю можно целоваться со всеми женщинами, с которыми видишься. Сам император целуется с последним солдатом, если он, при встрече с ним, поднесет ему яйцо. Вообще его величество так преследуют поцелуями, что он почти ни на минуту не может избавиться от них. В первый день праздника он, говорят, удостоивает этой милости всех своих придворных служителей до последнего поваренка и потому сегодня утром, как меня уверяли, в церкви так много целовался, что у него под конец, от беспрестанного нагибания, заболели шея и спина и он принужден был удалиться; известно, что его величество очень высок ростом, почему только весьма немногие могли поцеловаться с ним так, чтоб он не нагибался. Неприятно еще то при этих поздравлениях, что они стоят много денег: является страшное нищенство, и не только слуги дома, где вы живете, но и слуги всех домов, где вы хоть сколько-нибудь знакомы, приходят к вам с приношением яиц. Надоедают также простые попы и другие церковные служители, которые на этой неделе ходят по всем своим прихожанам и, после упомянутого приветствия «Христос воскрес», при маленьких зажженных свечах перед иконами, имеющимися в каждом доме, поют, молятся и благословляют,

получая за то чарку водки и немного денег. Император, побыв несколько времени в зале и приняв еще раз благословение от знатных духовных лиц, которые также собрались там и которым он при этом случае целовал руки, простился и уехал, после чего и все прочие скоро разъехались. <...>

Апрель

8-го. <...> За обедом провозглашены были обыкновенные на здешних свадьбах³¹ задравные тосты, и во всем соблюдался большой порядок. Император, в качестве маршала, во все время сам всем распоряжался и вообще так превосходно исправлял свою должность, как будто уже сто раз занимал ее, да и был притом в отличном расположении духа. Когда императрица приказала своему камер-юнкеру отнести ему молодого жареного голубя, он отошел к буфету и начал кушать с большим аппетитом, стоя и прямо из рук. В это время обер-кухмистер вошел с кушаньем, именно с другою, горячею переменею, потому что первая, по всегдашнему здешнему обыкновению, состояла из одних холодных блюд. Увидев, что он нести кушанья дал гренадерам (как это принято на всех других празднествах), его величество проворно подбежал к нему и, ударив его по спине своим большим маршальским жезлом, сказал: «Кто тебе велел заставлять гренадер нести кушанья?» Потом тотчас же приказал блюда (которые тот было уже поставил) опять вынести и снова принять у дверей шаферам, т. е. капитанам гвардии, которые и должны были подносить их к столу и передавать кухмистеру. При тостах император как маршал собственноручно подавал бокалы с вином свадебным чинам, его королевскому высочеству и некоторым из иностранных министров. Прочим подносили их шаферы. Будучи, как сказано, в прекрасном расположении духа, государь шутил с одним из своих денщиков, именно с молодым Бутурлиным, и давал ему свой большой маршальский жезл поднимать за один конец вытянутою рукою; но тот не мог этого сделать. Тогда его величество, зная как сильна рука у императрицы, подал ей через стол свой жезл. Она привстала и с необыкновенною ловкостью несколько раз подняла его над столом прямо рукою, что всех немало удивило. Графу Кинскому также захотелось попробовать свою силу, и император дал ему жезл, но и он не мог его держать так прямо, как императрица. После обеда начались танцы, сперва церемониальные, точно так, как я уже говорил при описании прежних свадеб. По окончании их, его высочество танцевал польский с императрицею, потом польский же с невестою. Затем, когда протанцевали еще несколько польских, жених

начал с невестою менуэт, после которого она опять танцевала его с его высочеством, и так далее, потому что танцевали попеременно то польский, то англезы, то менуэты. Все это продолжалось до тех пор, пока совершенно не стемнело и не зажгли фейерверк, устроенный перед домом по приказанию императора. Он состоял из щита, на котором горели две соединенные буквы Р. и С., первая из белого, а вторая из голубого огня, с надписью «Vivat», также белого огня, и из множества ракет и швармеров. Я старался разузнать, что означали «Vivat» и соединенные Р. и С., и мне отвечали, что они значат да здравствует принцесса (княжна) Катерина (имя новобрачной). Один только тайный советник Толстой положительно уверял, что это «Vivat Petrus Caesar» («Да здравствует Петр император»), но он ошибался.

Его величество император, от начала до конца фейерверка, был внизу на площадке и, по обыкновению своему, сам всем распоряжался. Невозможно себе представить, до какой степени он любит фейерверки и как охотно всегда готов всюду помогать своими руками. Сегодня я видел этому любопытнейший пример, о котором считаю не лишним рассказать здесь. Когда его величество, с невестою и со всеми прочими дамами, вошел в залу, где должны были танцевать, он нашел, что там жарко, и захотел открыть окно. Но это оказалось невозможным, потому что все окна были заколочены снаружи гвоздями. Тогда он поставил свой маршальский жезл, велел подать себе большой топор и работал сам до тех пор, пока наконец, при помощи двух маленьких своих денщиков, таки добился, что мог вынуть раму. Однако ж так как окно было очень крепко заделано, то все это продолжалось более получаса. Его величество выходил даже во двор, чтобы снаружи тщательно рассмотреть, как и чем оно заколочено, и потом действовал сообразно тому. Он сильно вспотел от этой работы, но все-таки остался немало доволен, что справился с нею. Между тем все, даже сама императрица, должны были стоять и не танцевать, пока окно окончательно не выставили. Оно потом очень беспокоило многих дам, потому что в него по временам врывался сильный ветер.

По окончании фейерверка начался прощальный танец невесты. Император как маршал весело прыгал впереди с своим большим жезлом и отвел танцующих в спальню новобрачной, где еще несколько времени пили за столом, который в этом случае всегда ставится там с сладостями и за который садятся все свадебные родные, не вставая обыкновенно до тех пор, пока жениха не споят совершенно (по здешнему обычаю, он непременно должен на первую ночь лечь в постель пьяный). Впрочем, на сей раз молодой дешево отделался, да и пир в спальне продолжался недолго. Когда провожавшие жениха и невесту

простились с ними и вышли из спальни, шаферы пригласили все общество собраться снова на другой день в три часа пополудни. После того император простился, и часов в одиннадцать гости разъехались. <...>

1723 ГОД

Январь

20-го. <...> Вечером здешний купец Тамсен³² рассказывал нам, что его величество был вчера у него и при этом случае, по всем правилам и своими собственными инструментами, выдернул зуб его долговязой голландской девке, потому что считает себя хорошим зубным врачом и всегда охотно берется вырвать кому-нибудь зуб. Он за несколько дней перед тем (услышав, что девка жалуется на зубную боль) обещал ей приехать сегодня и избавить ее от страдания.

Февраль

24-го, в последний день маскарада мы в час пополудни собрались у больших триумфальных ворот, куда скоро приехали как император, так и императрица. Поезд отправился отсюда опять в Тверскую-Ямскую; но мы не катались там как обыкновенно, а тотчас же поехали оттуда другою дорогою в Преображенское, где все выстроились в ряды на большой площади, перед домом императора, и до дальнейшего приказания оставались в своих экипажах. Императрица прислала герцогу с Балком несколько бутылок превосходного венгерского вина и приказала сказать, чтоб его высочество согрелся им, потому что ему, может быть, придется еще немного померзнуть. Вскоре после того дам пригласили выйти из экипажей и следовать за государынею в старый дом, в котором прежде жил император и который опять поставили на этой площади (откуда он был уже давно снесен на другое место, потому что переносить таким образом здешние деревянные дома не стоит почти никакого труда). Дом этот назначено было сегодня сжечь³³, и дамы должны были выпить в нем по большой английской рюмке венгерского вина, которое на многих из них так подействовало, что они после едва могли ходить. Когда все дамы перешли в настоящее жилище императрицы, его королевское высочество и прочих масок также пригласили войти в старый дом, где каждый получил из собственных рук императора по большому кубку венгерского. Герцогу, впро-

чем, налили его гораздо меньше, чем другим, а большая часть наших потихоньку скрылась, чтоб вовсе избавиться от такого угощения. По совершенном наступлении сумерек старый дом этот, построенный в 1690 году, был зажжен следующим образом: на всех сторонах крыши и по стенам засветили голубой огонь, как в девизах при иллюминациях; сам император собственноручно поджег прилаженные для этого голубые фитили, и весь дом чудно обрисовался в темноте; а когда эти фитили догорели, он вдруг весь вспыхнул и горел до тех пор, пока от него не осталось ничего. Во все это время император с некоторыми вельможами и нарочно для того назначенными барабанщиками, в шутку, постоянно бил в набат. Так как в городе звонили также во все колокола и пылавший дом ярко освещал небо, то мы думали, что звонят по той же причине или по приказанию, или по неведении, что пожар этот потешный, тем более, что к нам сбегалось множество народа; однако ж после узнали, что в то же самое время в городе был настоящий пожар, обративший в пепел несколько домов, причем бедным людям, конечно, не было так весело, как нам, которые веселились на славу и преспокойно попивали венгерское. Его королевское высочество при это потехе стоял возле императора, и его величество сказал ему, что потому захотелось сжечь свой старый дом, что в нем решил вопрос относительно войны, которая теперь, слава Богу, кончилась миром, почему и этот дом должен уничтожиться и исчезнуть с глаз долой. Когда последний почти уже совсем сгорел, пущено было несколько сот ракет, швермеров, воздушных шаров и других подобных вещей. Император смотрел на этот фейерверк из комнат императрицы, вместе с его высочеством и другими знатными господами. Там же собрались и все дамы; но между ними было много печальных и сонных лиц, на которых отражалось еще действие английской рюмки, выпитой в старом доме. Вдобавок, музыка, которою в продолжение фейерверка император угощал их с своими генералами, переодетыми в барабанщиков, в таких низеньких комнатах еще более кружила им голову. Там как император, по слухам, собирался в ночь выехать отсюда в С.-Петербург, то его королевское высочество, по окончании фейерверка, простился с ним; но с императрицею, которая предполагала остаться здесь еще несколько дней, не прощался, потому что надеялся иметь честь видеться с нею еще раз до ее отъезда. Государь был в этот день очень милостив с герцогом и между прочим спросил его, не думает ли он скоро ехать? На что его высочество отвечал, что надеется в непродолжительном времени последовать за его величеством. Когда все кончилось, мы отправились прямо домой, и были все сердечно рады, что прошел этот маскарад, от которого весьма немногие не получили

сильного кашля или насморка, хотя в продолжение его вовсе не было больших морозов, напротив — постоянно держалась оттепель, так что едва можно было ездить на санях. <...>

Март

26-го бригадира Плате очень рано утром посылали к обер-гофмейстеру Олсуфьеву узнать, может ли его высочество иметь в этот день счастье посетить императора. Тот отвечал г-ну Плате, что государь сказал императрице, что сам собирается сегодня к герцогу и был бы у него уже вчера, если б не выпил слишком много. До обеда, однако ж, его высочество прождал его напрасно: он приехал только около 7-ми часов вечера в сопровождении лишь одного поручика и двух денщиков, именно молодого Бутурлина и Татищева, и был в отличном расположении духа. Так как мы держали наготове стол с холодным кушаньем для 7-ми или 8-ми человек, то его тотчас внесли и, по собственному желанию государя, поставили перед самым камином. Сели за него: император, герцог, поручик, Измайлов, Альфред и Плате. Его величество не вставал с места почти три часа и говорил о многих предметах, в особенности о разных морских и сухопутных сражениях. Он высказал при этом, что пехоте отдает преимущество пред кавалерией, и уверял, что в продолжение всей войны, как с русской, так и с шведской стороны, самое главное делалось первою. Когда речь зашла о союзных войсках, он сказал, что всегда лучше хотел бы иметь под своим начальством несколько сотен собственного войска, чем 1000 союзников, потому что у последних много советуются и рассуждают, а дела обыкновенно делают очень мало³⁴ Заметно было также, что его величество вовсе не питал расположения к генералу Флеммингу, которому, как сам рассказывал, сделал однажды славное возражение. Где-то русские войска стояли вместе с саксонскими, и когда царь расположил свои отряды немного вокруг последних, с приказанием зорко смотреть за ними, генерал Флемминг спросил его, уж не боится ли он, что саксонцы побегут? Его величество отвечал на это: «Ick will dat eben nit seggen, mar ick wet ock nit, wo see gestanden hefft (Не скажу этого, но не знаю также, где бы они и стояли)». Разговор перешел потом на прекрасные корабли, строящиеся в настоящее время в Адмиралтействе, и государь сообщил, что на штапеле стоят теперь три корабля 60-ти (с чем-то) пушечных, три 54-ти пушечных и три фрегата, над которыми работается со всею деятельностью. (Его величество не пропускает ни одного дня, не побывавши в Адмиралтействе в 4 и 5 часов утра.) Далее, когда упомянули, что император переменил корабль, который

обыкновенно употреблял во флоте, т. е. вместо прежнего «Ингерманландии» выбрал себе корабль «Екатери́ну», он сказал: «Ick heff dat nit gedahn darüm, dat Ingermanland sult nit mehr tugen, off so got als Cathrina syn, denn dat is ewen so gut, en gar nit verdorffen, sondern dat soll tom ewigen Gedachtnisz bewahget warden, un nit mehr ut den Hawen kamen, up dat et nit mit de Tied in de See verdorffen ward, wilen ick 4 Flotten darup commandert heff (Я сделал это не потому, что «Ингерманландия» не годится более или хуже «Екатерины» — он так же хорош и вовсе не испорчен, — а потому, что желаю сохранить его для вечного воспоминания и не выводить более из гавани, чтоб он со временем не пострадал как-нибудь на море: я командовал на этом корабле четырьмя флотами»). То были флоты: русский, датский, английский и голландский³⁵ При разговоре о новой дороге в Москву и о недавно совершенном переезде сюда император говорил, что эта новая дорога будет на целые 200 верст короче старой, и рассказывал, что во время последнего своего путешествия из Москвы пробылся вперед то на санях, то в карете, то верхом, а иногда даже и пешком. В комнате его высочества лежала на столе отгравированная здесь карта Астрахани и части Персии; когда речь коснулась приобретения провинции Гиляна, государь приказал показать ее и сам показывал герцогу, где находилась и как далеко простиралась эта провинция³⁶ Просидев таким образом около трех часов, император встал и, по обыкновению своему, тотчас же уехал. Герцог провожал его до кабриолета и очень радовался, что его величество был так весел и милостив.

Апрель

27-го у герцога обедал генерал-майор Це́ге, и так как погода была необыкновенно хороша, то его высочество после обеда поехал кататься парой, в открытом экипаже господина бригадира. Проезжая мимо дома купца Борстен, он увидел стоявший там перед крыльцом кабриолет императора и после узнал, что его величество уговорил наконец г-жу Борстен, одержимую водяной болезнью, позволить ему в этот день выпустить из нее воду. Государь будто бы употребил для этого род насилия и немало гордился, что ему посчастливилось выпустить из больной более 20-ти фунтов воды, тогда как при попытке какого-то английского оператора показалась только кровь. Императрица, говорят, сказала в шутку его величеству, что его за эту операцию следовало бы сделать доктором, на что он отвечал: «Нет, не доктором, а хирургом, пожалуй». <...>

1-го. <...> В этот день император, на рассвете, отправился водою в новый увеселительный дворец³⁷, который стоит прямо против Петергофа, на очень приятном месте. Он возведен года два тому назад, и его величество, как говорят, отменил большие постройки в Стрельне-мызе, с тем чтобы назначенные для них деньги употребить на него. В этот же день, утром, после тяжкой болезни, умерла купчиха Борстен, над которой император за несколько дней делал операцию, желая вылечить ее от водяной. Ее не будут хоронить до его возвращения, потому что он сам хочет быть при вскрытии трупа, которого доктора и хирурги ждут с любопытством, тем более, что одни находили в ней водянку, другие нет. <...>

6-го. <...> В 7 часов вечера мимо нас провезли тело недавно умершей купчихи Борстен, которое потом переправлено было через реку на находящееся по ту сторону немецкое кладбище. Сам император изволил следовать за процессией, именно — от скорбного дома до воды — пешком, а после — шлюпке. Прочие провожатые состояли большею частью из купцов и иностранных корабельщиков. К ним присоединялись еще здешние вице-адмиралы и другие морские офицеры, потому что покойная была свояченицею вице-адмирала Сиверса. После похорон император отправился опять в дом умершей и там кушал. Пили, говорят, при этом случае очень сильно. Его величество обращался необыкновенно дружески и милостиво с иностранными корабельщиками. Мне показалось странным, что он шел за телом в цветном кафтане и вместе с тем в длинной черной мантии и с спускавшимся от его шапки флером. Но до подобных вещей ему дела нет: он одевается, смотря по удобству, и мало обращает внимания на внешность. <...>

29-го. В 7 часов вечера император на маленьком боте прибыл в монастырь³⁸. Он плыл с Иваном Михайловичем, контр-адмиралом Сенявиным и еще одним, мне неизвестным, в сопровождении 9-ти галер и своей яхты (на которой ездил в Шлиссельбург). При их появлении все флаги на нашей маленькой флотилии, расположенной у пристани, были опущены; а когда адмирал опустил и свой в честь ботика (родоначальника всего русского флота), на всех яхтах началась пальба и усердно загремели трубы и литавры. В то же время принялись прилежно палить со стен монастыря, и притом из довольно больших пушек. Император хотя и имел на своем ботике только несколько потешных орудий,

которые были немного лучше больших пищалей, однако ж соблюл установленный порядок и отвечал тремя выстрелами. На всех галерах также стреляли и били притом в барабаны. Как скоро государь вышел на берег, все вельможи спешили поздравить его с приездом. При этом случае и я передал ему приветствие от имени его высочества, который извинялся, что, по причине болезни, не мог покамест явиться сам, но обещал однако ж приехать еще в тот же день. Вскоре после того император отправился на свою яхту. В 8 часов герцог приехал на своей барке, как раз в то время, когда его величество опять возвратился с яхты на берег, чтоб идти в монастырскую церковь. Его высочество, следовательно, имел удовольствие видеть государя еще до отправления его в церковь, и он показывал ему ботик, у которого, с самого прибытия его, стоял караул от Преображенского полка. По уходе императора ко всеобщей его высочество удалился с своею свитой на торншхоут, где с некоторыми и ночевал; мы же, прочие, должны были искать себе ночлега на других судах. Генерал Штакельберг в этот день уехал в Лифляндию.

30-го, поутру, принцы гессенские посетили герцога на его буере, а в половине десятого мы отплыли от монастыря со всею флотилиею, имевшею во главе императора с его маленьким ботом, который императрица, в нескольких верстах от монастыря, встретила со всеми петербургскими барками и верейками. Он плыл с последними до самого города и почти один вошел с ними в Петербург, потому что парусные суда, по причине начинавшегося безветрия, не могли идти так быстро, как они. Когда император приблизился с ботиком к городу, началась пушечная пальба как в крепости и Адмиралтействе, так и с стоявшего на реке фрегата, который был весь изукрашен флагами. Пальба эта повторилась в другой раз, когда его величество причалил к берегу, и в третий, когда он отправился в церковь. В 12 часов, при возвращении государя из церкви, взлетела ракета, и вслед за тем снова раздались пушечные выстрелы с крепости, Адмиралтейства и фрегата, равно и с 9-ти прибывших галер, а расставленные вокруг церкви полки принялись исполнять беглый огонь. После того император, императрица, обе императорские принцессы, герцогиня мекленбургская, сестра ее — принцесса Прасковья, его королевское высочество, наш герцог, и все прочие знатные обою пола особы отправились в Сенат, где в 6-ти или 7-ми комнатах приуготовлены и накрыты были большие длинные столы. Император кушал с его высочеством и другими знатными господами в обыкновенной аудиенц-зале, где стоит императорский трон и где принимаются иностранные министры;

а императрица с дамами — в смежной комнате, где всегда бывают заседания Сената. Перед обедом императрица вошла в большую аудиенц-залу и как хозяйка дома, по здешнему обычаю, поднесла не только императору, но и его высочеству и всем прочим гостям, по чарке водки. Затем начался обед... <...>

Июнь

23-го. <...> Так как в этот день назначен был спуск фрегата, то мы думали, что это будет рано, а именно часа в два или в три; между тем обыкновенный сигнальный выстрел, возвещающий о времени сбора, последовал не прежде 5-ти часов. Тогда мы немедленно отправились в Адмиралтейство и на корабль, который был уже совсем готов к спуску. По приезде и императора фрегат, устроенный для 36-ти пушек, в половине шестого обычным порядком освятили и наименовали «Крейсером» — имя, которого сначала почти никто из русских не понял. После этой церемонии приступили к окончательным работам, и корабль еще до 6-ти часов благополучно сошел на воду. Но тут легко могло случиться большое несчастье, если б император вовремя не начал с сильною бранью кричать, чтоб народ на реке посторонился: в ту самую минуту, как корабль сходил со штапеля, какие-то дураки, на очень маленьком ботике,* стали прямо перед ним и потом не знали, что делать, чтоб отойти прочь. Корабль на сей раз был спущен с кормою³⁹, чего обыкновенно здесь не делают. Вероятно, это новый способ, придуманный кораблестроителем. Когда корабль отошел на известное расстояние от берега и брошен был якорь, от которого он повернулся в другую сторону, все наперерыв спешили поздравить на нем его величество с благополучным спуском. С гвардейским адъютантом, состоящим при принцах гессен-гомбургских, случилось при этом то же самое, что было недавно и со мною, — его так поранили багром в ногу, что он тотчас же принужден был отправиться домой. Вскоре после прибытия нашего на корабль приехали также ее величество императрица, герцогиня мекленбургская, княгиня Меншикова и прочие дамы. Императорских принцесс, равно как и принцессы Прасковии, которая чувствовала себя нездоровую, не было; но вдовствующая царица, несмотря на всю свою немощь, все-таки подъезжала с маленькою принцессою мекленбургскою к кораблю на своей барке, из которой, впрочем, сама не выходила, а высадили только герцогиню мекленбургскую и потом уехала опять домой. По переезде всего общества

на корабль и принесении поздравлений императору гости отправились к столу, и его величество сел на самом нижнем конце вместе с корабельными мастерами. <...>

Июль

14-го. <...> У того места, где мы вышли на берег⁴⁰, нас ждал Василий Петрович с кабриолетом императора, в котором герцог и поехал с ним к его величеству. У государя были все флагманы и капитаны, и он очень долго ждал старшего флотского священника, которому, по его приказанию, назначено было освятить то место, где мы находились, и положить начало работам по устройству гавани. Но так как тот всячески искал уклониться от этого, то место его должен был заступить другой. По совершению молитв всякий, от императора до последнего из присутствовавших, обязан был донести до конца берега от 4-х до 5-ти камней и бросить их в воду, причем многие, которым хотелось иметь честь тащить самые большие камни, таки порядочно попотели; очень многие также, бросая эти камни в воду, сильно забрызгались. В то время, как мы таскали камни, из расставленных по берегу пушек сделан был 21 выстрел, и некоторые из присутствовавших заметили, что его величество император, когда брошен был первый камень, возвел глаза к небу и испустил глубокий вздох. По окончании нашей работы каждый должен был давать по полтине великому адмиралу, который собирал эти деньги для солдат, занимавшихся здесь ломкою камня; император, впрочем, пожаловал 10 червонцев, его высочество и вельможи дали также по несколько золотых монет. После сбора всякий получил за свои деньги по несколько стаканов вина. Со временем мы можем говорить с гордостью, что участвовали в первоначальной закладке гавани, которая, если только Бог продлит жизнь императора и даст ему привести все в исполнение, конечно будет одною из важнейших в мире. Уже теперь наломано из скал 130 000 сажень камня; но количества этого еще далеко не достаточно, потому что здесь предположено все, от самого основания, сделать из камня. Невозможно было бы привести это в исполнение, если б не было при том того удобства, что камни, сколько бы их ни понадобилось, можно брать у самой воды, ибо гавань большею частью вся окружена скалами, от которых они могут быть отделяемы посредством ломки или взрывов. Когда все общество распило по несколько стаканов вина в честь освящения гавани, император простился с нами и, прежде нежели отправиться на корабль, пошел еще в дом, где помещались больные и где в этот день должны были отнимать ногу одному матросу; но его высочество и прочие отправились прямо на свои корабли.

11-го. <...> К 5-ти часам после обеда все находившиеся здесь чиновные особы приглашены были собраться в военной гавани, где в увеселительном домике императора положено было окончательно отпраздновать этот день. Его высочество также отправился туда около 6-ти часов и нашел там императрицу с прочими членами царского дома, но император приехал уже после нас. Ее величество, со всеми дамами, пошла кушать в дом; государь же сел за стол, под открытым небом, в длинной палатке, и этот стол, накрытый на сто приборов, был весь занят. Его высочеству пришлось сидеть возле императора с левой стороны, а адмиралу Крюйсу с правой. Против его величества сидела оба гессенских принца. Пиршество это продолжалось с 6-ти часов после обеда до 4-х с лишним часов утра, и так как император был расположен пить и несколько раз говорил, что тот бездельник, кто в этот день не напьется с ним пьян, то так страшно пили, как еще никогда и нигде во все пребывание наше в России. Не было пощады и дамам; однако ж в 12 часов их уже отпустили домой. Государь был так милостив к его высочеству, как мне еще никогда не случалось видеть: он беспрестанно его целовал, ласкал, трепал по плечу, несколько раз срывал с него парик и целовал то в затылок, то в маковку, то в лоб, даже оттягивал ему нижнюю губу и целовал в рот между зубами и губами, причем не раз твердил, что любит его от всего сердца и как свою собственную душу. Все здешние старые знатные господа были с его высочеством также необыкновенно вежливы и почти ни минуты не оставляли его без поцелуев. Так как герцог в этот день держал себя очень умеренно и не участвовал в особенных тостах, то и выдержал с нами до самого конца, хотя не пил ни капли своего собственного вина и еще менее воды, потому что император не хотел этого допустить и заставлял его постоянно пить только бургонское и венгерское. Когда я начал уверять, что его высочество не в состоянии более пить, государь дал мне попробовать сперва легкого венгерского, а потом своего собственного, крепкого, на которое обыкновенно бывает весьма скуп. Зоря была пробита на кораблях, когда еще сидели за столом и пили, но никто не обратил на нее внимания, и все продолжали сидеть за столом до 4-х часов; только тогда, когда император встал и приказал часовым пропускать всех, кто захочет уехать, и его высочество отправился домой. При всеобщем опьянении, от которого император не избавил и гессенских принцев, между здешними знатными господами произошло не только много брани, но и драк, в особенности между адмиралом Крюйсом и контр-адмиралом Зандером, из которых последний получил такую затрещину (Maulschelle), что свалился под стол и потерял с головы парик.

1724 ГОД

Январь

23-го, поутру, возвещено было с барабанным боем, что на другой день на противоположной стороне Невы, против биржи (Kaufhaus) будут совершены разные казни. Говорят, что одна из них ожидает обер-фискала Нестерова, который уж давно сидел в тюрьме. В апреле разве только может быть такая дурная погода, какая стоит теперь.

24-го в 9 часов утра я отправился на ту сторону реки, чтобы посмотреть на назначенные там казни. Под высокой виселицей (на которой за несколько лет сначала повесили князя Гагарина) устроен был эшафот, а позади его поставлены четыре высоких шеста с колесами, спицы которых на пол-аршина были обиты железом. Шесты эти назначались для взоткнута голов преступников, когда тела их будут привязаны к колесам. Первый, которому отрубили голову, был один фискал, клеветер обер-фискала Нестерова, служивший последнему орудием для многих обманов. Когда ему прочли его приговор, он обратился лицом к церкви в Петропавловской крепости и несколько раз перекрестился; потом повернулся к окнам Ревизион-Коллегии, откуда император с многими вельможами смотрел на казни, и несколько раз поклонился; наконец один, в сопровождении двух прислужников палача, взошел на эшафот, снял с себя верхнюю одежду, поцеловал палача, поклонился стоявшему вокруг народу, стал на колени и бодро положил на плаху голову, которая отсечена была топором. После него точно таким же образом обезглавлены были два старика. За ними следовал обер-фискал Нестеров, который, говорят, позволял себе страшные злоупотребления и плутни, но ни в чем ни сознался, сколько его ни пытали и ни уличали посредством свидетелей и даже собственных его писем. Это был дородный и видный мужчина с седыми, почти белыми волосами. Прежде он имел большое значение и был очень в милости у императора, который, говорят, еще недавно отдавал ему справедливость и отзывался о нем как об одном из лучших своих стариков-докладчиков и дельцов. Давая ему место обер-фискала, государь в то же время даже наградил его большим числом крестьян, чтоб он мог прилично жить и не имел надобности прибегать к воровству. Тем не менее однако ж он неимоверно обворовывал его величество и страшно обманывал подданных, так что сделал казне ущербу всего по крайней мере до 300 000 рублей.

Перед казнью он также посмотрел на крепостную церковь и перекрестился, потом обратился лицом к императору, поклонился и будто бы, по внушению священников, сказал: «Я виновен». Его заживо колесовали и именно так, что сперва раздробили ему одну руку и одну ногу, потом другую руку и другую ногу. После того к нему подошел один из священников и стал его уговаривать, чтоб он сознался в своей вине; то же самое, от имени императора, сделал и майор Мамонов, обещая несчастному, что в таком случае ему окажут милость и немедленно отрубят голову. Но он свободно отвечал, что все уже высказал, что знал, и затем, как и до колесования, не произнес более ни слова. Наконец его, все еще живого, повлекли к тому месту, где отрублены были головы трем другим, положили лицом в их кровь и также обезглавили.

Девять человек получили каждый по 50-ти ударов кнутом; кроме того, четырем из них, приговоренным к вечной ссылке на галеры, были щипцами вырваны ноздри. Между этими 13-ю наказанными находилось только два молодых; остальные были седые старики — бывшие советники, фискалы и писцы из Коллегий, отчасти хороших фамилий и богатые, так что от конфискации их имущества составила значительная выручка. Их обвиняли в расхищении императорской казны, взятках и других преступлениях. Наказаны были еще 5 других писцов и служителей, и всех канцелярских и приказных чиновников обязали присутствовать при этой казни для их собственного предостережения. В заключение всего тела 4-х казненных были навязаны на колеса, а головы их взоткнуты на шесты. <...>

Май

7-го. <...> Все духовенство шло в церковь впереди процессии⁴¹, и его высочество, наш герцог, вел императрицу за руку до самого трона. Здесь император принял ее и взвел по ступеням на возвышение; его же высочество после того прошел в особо устроенную для него ложу, в сопровождении лишь обер-камергера графа Бонде и русского камергера Измайлова. Когда император взвел императрицу на трон и оба весьма милостиво поклонились всем присутствовавшим, он взял скипетр, лежавший вместе с другими регалиями на упомянутом выше столе, отдал свою шляпу князю Меншикову, стоявшему позади его и подал знак императрице сесть на приготовленный для нее стул; но она не хотела исполнить этого до тех пор, пока его величество наперед сам не сел на свой стул по правую сторону. На троне остались и все те, которые несли государственные регалии, также

5 статс-дам и 3 знатнейшие придворные дамы. На верхней ступени стояли по сторонам капитан-поручик и поручик лейб-гвардии, на середине ее — два вахмистра той же лейб-гвардии, а на нижней ступени — оба герольда. После того на трон приглашено было духовенство, к которому император обратился с краткою речью, и архиепископ новгородский, как знатнейшее духовное лицо, после ответа от имени всего духовенства обратился к императрице с благословением, которое она приняла, преклонив колена на положенную перед ней подушку. Затем он взял императорскую корону и передал ее императору, который сам возложил ее на главу стоявшей на коленях императрицы; после чего придворные дамы прикрепили корону как следовало. У ее величества в это время по лицу скатилось несколько слез. Когда она, уже с короною на голове, опять встала, вышеупомянутые три дамы надели на нее большую императорскую мантию, в чем и сам император усердно им помогал. После того архиепископ вручил ее величеству державу и несколько времени читал что-то из книги. Государыня вслед за тем обратилась к его величеству императору и, преклонив правое колено, хотела как бы поцеловать его ноги, но он, с ласковою улыбкою, тотчас же поднял ее. Во все время коронования звон колоколов не умолкал, а когда император возложил на императрицу корону, по сигнальному выстрелу из пушки, поставленной перед церковью, раздался генеральный залп из всех орудий, находившихся в городе, и загремел беглый огонь всех полков, расположенных на дворцовой площади, что после обедни повторилось еще раз, когда императрица приобщилась Св. Тайн и приняла миропомазание. По окончании обряда коронования, духовенство сошло вниз и удалилось в алтарь (in das Chor), а их величества император и императрица, отдав обратно скипетр и державу, спустились с трона и прошли к своим отдельным седалищам, между которыми до сих пор находится старое патриаршее место и которые устроены перед иконостасом, по обе его стороны. Там пребыли они во все продолжение обедни. Между тем на троне не оставалось никого, кроме старого сенатора графа Пушкина при регалиях и 6-ти офицеров лейб-гвардии по обеим сторонам ступеней. После обедни великий адмирал Апраксин и великий канцлер граф Головкин провели императрицу от ее великолепного седалища к алтарю, где она перед так называемыми святыми (царскими) дверьми стала на колени на парчовую подушку и приняла святое причастие, а потом была помазана архиепископом новгородским. Когда после этого священнодействия те же господа отвели ее величество на прежнее место, архиепископ псковский там же, перед алтарем, где совершилось миропомазание государыни, начал говорить проповедь, которая продолжалась добрых полчаса.

Он превозносил необыкновенные добродетели императрицы и доказывал, как справедливо Бог и государь даровали ей российскую корону. Проповедь свою архипастырь заключил поздравлением от имени всех сословий российского государства. По окончании литургии и всего вообще богослужения обер-маршал Толстой и церемониймейстер объявили приказание, чтобы все участвовавшие в процессии шли в другую соборную церковь. Тогда его королевское высочество подошел опять к императрице и повел ее к другой церкви, находящейся напротив, на той же дворцовой площади, и известной под названием собора архангела Михаила⁴², где погребены все цари и где гробницы их видны за решетками вдоль стен. Там, по здешнему обыкновению, императрица должна была еще выслушать краткий молебен. <...>

Август

30-го, в воскресенье, в 5 часов утра три пушечных выстрела подали всем буерам, торншхоутам и другим маленьким судам сигнал для отплытия к Александро-Невскому монастырю, а часов в десять раздался точно такой же сигнал для всех барок, шлюпок и вереек⁴³. Поэтому королевское высочество послал туда свою барку, но сам не поехал, между тем как императрица и императорские принцессы отправились в монастырь. На старом маленьком боте, родоначальнике всего русского флота, развевался императорский государственный флаг. Когда все суда выстроились в ряды, а именно около часа пополудни, показался гроб с мощами святого Александра (если они только были в нем). Его везли на большой, как говорили, адмиральской галере, на которой спереди помещались три большие металлические пушки. Он стоял под большим балдахином, и за ним следовала императорская яхта, называемая «Принцессой Елисаветой». Как скоро эта адмиральская галера стала подходить ближе, ей начали салютовать — сперва знаменитый ботик⁴⁴, стоявший на якоре впереди всех, из маленьких металлических пушек, а потом и вся флотилия. Яхта «Принцесса Елисавета» отвечала из своих пушек. Император, князь Меншиков и многие другие знатные русские господа выехали навстречу мощам, а затем его величество и бывшие с ним возвратились на галеру, на которой, в честь святого, развевался императорский флаг и на которой с веслами сидели все гвардейские гренадеры. Когда адмиральская галера причалила к нарочно устроенной пристани и гроб перенесли на берег, со всех судов два раза выпалено было из пушек.

После того офицеры с церемониею понесли гроб в монастырь. Гроб этот, серебряный вызолоченный, несен был под большим бархатным балдахинем, на котором стояло серебряное распятие. Все духовенство, в богатейших облачениях, встретило его у моста. Оно шло потом впереди и позади гроба. Император находился между шедшими впереди певчими, а прочие русские господа шли кто впереди, кто позади. Во время этой процессии звонили во все колокола и не было видно ничего, кроме необъятного множества зрителей, которые крестились и кланялись. Большая часть из них, проникнутая глубоким благоговением, горько плакала; но были и такие, которые смеялись или смотрели с сожалением на слепую и глупую толпу. Императрица с обеими императорскими принцессами, обе герцогини и две дамы, в великолепнейших нарядах, находились на переднем монастырском дворе, у архиерейского дома, и там ждали приближения гроба. Увидев его, они также начали креститься и кланяться, причем некоторые старые дамы заливались слезами не менее простолюдинов. Как скоро гроб пронесли мимо ее величества императрицы, она последовала за ним со всею своею свитою, идя перед духовенством, шедшим позади его. Освященная только в этот день утром часовня нового монастыря, где должны были оставаться мощи святого до окончательного устройства главной церкви и всего монастыря (еще вполовину не отделанного), возвышалась на целый этаж от земли; к ней вела поэтому очень большая и широкая терраса, по которой гроб и внесли туда. Тотчас после того, как его поставили на место, из окна был выкинут флаг, которым подали сигнал к начатию пушечной пальбы в третий раз. Затем духовенство совершило в часовне несколько церемоний, после которых знатнейшее духовное лицо сказало похвальное слово святому Александру Невскому, продолжавшееся почти целый час. По окончании его совершены были еще кое-какие церемонии, и тогда их величества, равно как прочие высокие особы и все присутствовавшие, отправились опять на свои суда. Возвратившись вечером в С.-Петербург, мы узнали, что несколько монахов Александро-Невского монастыря приезжали приглашать туда его высочество к обеду на другой день и что князь Меншиков вечером того же дня будет все общество угощать у себя. В вечеру город, в память мира с Швециею, был иллюминирован.

31-го, около полудня, его королевское высочество отправился в Александро-Невский монастырь, и когда приехал туда, все уже сидели там за столом. Как скоро мы вошли в залу, где обедали, герцогу и всем нам тотчас очистили места, и его королевскому высочеству пришлось сидеть возле императора с левой стороны.

Императрица с принцессами, обеими герцогинями и знатнейшими из дам кушала в особой комнате; прочие придворные дамы и кавалеры сидели также в особой, а для офицеров, которым не достало места в зале, где кушал император, накрыты были в одной из смежных комнат особые столы, так что всех обедавших было в этот день более трехсот человек. Всем гостям подавалось мясо, которое обыкновенно неохотно допускается в монастырях; но на столы, занятые духовенством, ставились только рыбные блюда. Из иностранных министров на этом обеде не было никого. За столом провозглашены были лишь немногие заздравные тосты, и при них палили из пушек. В час император встал из-за стола и уехал на свою яхту для обыкновенного послеобеденного отдыха; но императрица и прочие гости несколько времени не вставали еще с своих мест, и его королевское высочество, наш герцог, еще прежде чем удалился император, прошел в дамскую комнату, где, стоя за стулом государыни, разговаривал как с ее величеством, так и с императорскими принцессами до тех пор, пока они не встали из-за стола. В то время как из этой комнаты выносили столы, ее величество со всеми присутствовавшими слушала в одной из соседних комнат монастырских певчих, между которыми были прекрасные голоса и в особенности очень сильные басы. Когда же из столовой все было вынесено, императрица с дамами опять вошла в нее и села там с принцессами, обеими герцогинями и его королевским высочеством, который имел удовольствие занять место подле старшей принцессы. Государыня также обращалась к нему часто с разговором и вообще была с ним в этот раз как-то необыкновенно милостива. В 3 часа император возвратился и пришел в ее комнату. Его величество казался в отличном расположении духа, потому что много шутил и смеялся с княгиней Голицыной и с женой Ивана Михайловича Головина. Последней он сказал между прочим, что она родит близнецов. Побыв несколько времени у дам, он прошел в большую столовую залу, и тут архиепископ новгородский, как глава русского духовенства и архимандрит монастыря, раздал большей части гостей большой отгравированный на меди план Александр-Невского монастыря, который изображен на нем так, как он собственно должен быть, со всеми строениями, садами и мелкими принадлежностями. Так как его королевского высочества, нашего герцога (который в это время находился у императрицы и беседовал с принцессами) при раздаче не было, то он на сей раз не получил экземпляра, потому что ни одного не осталось, но ему обещали доставить его в самом скором времени, причем и мне обещан был экземпляр. Часа в четыре ее величество императрица, в сопровождении императорских принцесс, обеих герцогинь, нашего герцога (который вел старшую принцессу)

и всех дам, пошла в небольшую нижнюю часовню монастыря (в котором две часовни, устроенных одна над другою) и осматривала там гробницу покойной вдовствующей царицы. В этой же нижней часовне находилась и рака покоившегося теперь в монастыре святого Александра, которая по обыкновению, будет вмещать в себе серебряный гроб с его мощами. Она обита красным бархатом и обложена золотым галуном. Мощи же святого, покоящиеся в серебряном гробу, поставлены, как сказано, в верхней часовне, устроенной прямо над нижнею. Из этой часовни императрица прошла на свою барку и отправилась на яхту «Принцесса Елизавета», куда за нею последовали императорские принцессы и все придворные дамы, а обе герцогини с прочими дамами сели на свои собственные маленькие парусные суда. Скоро император также явился на яхту «Принцесса Елизавета», на которой, в обществе императрицы и принцесс, и поехал назад в С.-Петербург. Когда адмирал буеров пушечным выстрелом подал сигнал к отплытию, все якоря были сняты; затем старый ботик отчалил от берега у монастырского моста, и из монастыря отсалютовали ему 13-ю выстрелами. Император возвратился в С.-Петербург на этом ботике и приехал прямо к крепости, где он сохраняется, а потом отправился на своей верейке к князю Меншикову, куда последовала за ним и вся флотилия, потому что князь (по случаю дня св. Александра, его патрона) просил к себе не только его величество со всеми членами высочайшей фамилии, но и всех бывших в этот день в монастыре. По прибытии туда государь сел на приготовленную для него маленькую верховую лошадь (ради удобства он любил ездить на маленьких лошадях) и поехал в сад, где приготовлено было угощение. Но его королевское высочество, наш герцог, остался у моста, чтоб дожидаться императрицы и встретить ее. Она скоро и подъехала на своей яхте. Тут ее величество, герцогини и все дамы сели в стоявшие для них у моста кареты князя и поехали в сад, куда кавалеры пошли пешком. Там разбито было множество палаток, в которых находились столы, уставленные кушаньями. Но так как стало очень холодно, то император решил надеть парик, и употребил в дело первый, какой попался ему под руку, а попался-то белокурый. Вечером весь город был иллюминирован. <...>

Ноябрь

1-го, в воскресенье, в 10 часов утра, вода в городе поднялась очень высоко, потому что ветер дул с моря. Почти все каналы выступили из берегов и возбудили опасения, что вода поднимется

опять так же высоко, как в этот же день три года тому назад. Во время самого возвышения воды и при сильном ветре императрица с некоторыми из своих дам отправилась от летнего дома императора, откуда она до сих пор все еще не переезжала, на ту сторону реки, к обедне в церковь св. Троицы. Но когда они подъехали к дому «Четырех Фрегатов», вода стояла уж там так высоко, что нельзя было беспрепятственно дойти до кареты. Поэтому ее величество принуждена была воротиться назад; но она поехала не в Летний дворец, а в Зимний, чтоб уже там и остаться. Проезжая мимо крепости, она приветствовала ее тремя выстрелами, и ей отвечали оттуда тем же.

2-го, после обеда, император благополучно возвратился в С.-Петербург, но накануне, на обратном пути из Дубков, он подвергся на воде большой опасности во время свирепствовавшей сильной бури, и одно из его судов погибло, так что с него только два человека успели спастись вплавь. Его величество принужден был держаться с своей яхтой на двух якорях, и всем находившимся на ней приходилось жутко.

Здесь рассказывают за верное, что Военная коллегия недавно хотела назначить нового полковника в Ингерманландский полк, но что князь Меншиков восстал против этого и запретил полку принимать нового командира, потому что император еще недавно предоставил ему право полного заведования этим его полком. Князь велел также открыть в нем баллотировку и утвердил много новых производств в офицеры, потому что по полку было много вакантных мест.

4-го. Старший Тамсен уверял, что он в настоящее время от своих полотняных фабрик в Москве и Ярославле получает 30 процентов прибыли, когда посылает полотна в Гамбург, и что скоро надеется получать еще больше, потому что избавился теперь от русских соучастников. Герцогиня Мекленбургская находится в большом страхе, что император скоро примется за ее больную ногу: известно, что он считает себя великим хирургом и охотно сам берется за всякого рода операции над больными. Так в прошлом году он собственноручно и вполне удачно сделал вышеупомянутому Тамсену большую операцию в паху, причем пациент был в смертельном страхе, потому что операцию эту представляли ему весьма опасною.

5-го, у одного немецкого булочника, живущего в соседстве императорского Зимнего дворца, была свадьба, на которой присутствовали и тафельдекеры его высочества. Император, вероят-

но мимоездом, услышав музыку и любопытствуя видеть, как справляют свадьбы у этого класса иностранцев, совершенно неожиданно вошел в дом булочника с некоторыми из своих людей, приказал накрыть там два особых стола, один для себя, другой для своей свиты, и более трех часов смотрел на свадебные церемонии и танцы. Во все это время он был необыкновенно весел.

6-го. Два и три года тому назад мы в этот день праздновали рождение тайного советника Бассевича, но делали это по ошибке, потому что он родился не 6 (17 по новому стилю), а 17-го ноября по старому. Недавно один молодой Долгорукий возвратился из Франции и привез с собою скорохода и несколько иностранных лакеев, чего здешняя знатная молодежь до сих пор не делала.

9-го. Сегодня нам сообщили по секрету странное известие, именно что вчера вечером камергер Монс, по возвращении своем домой, был взят генерал-майором и майором гвардии Ушаковым и посажен под арест в доме последнего; также что арестованы еще двое других, именно маленький кабинетный секретарь императрицы и ее камер-лакей, которые были постоянно в каких-то сношениях с камергером. Их, говорят, отвели в Летний дворец императора. Это арестование камергера Монса тем более поразило всех своею неожиданностью, что он еще накануне вечером ужинал при дворе и долго имел честь разговаривать с императором, не подозревая и тени какой-нибудь немилости⁴⁵. В чем он провинился — покажет время; между тем сестра его, генеральша Балк, говорят, с горя слегла в постель и в совершенном отчаянии.

10-го, в 10 часов утра, тайный советник Остерман, без всякого предупреждения, приехал к нам и пробыл наедине с его высочеством. Генерал-лейтенант Ягужинский открыто говорил у тайного советника Бассевича, что поутру Остерман приезжал объявить герцогу по секрету, что император наконец твердо решил покончить дело его высочества и что обручение должно совершиться в Катеринин день. Говорено это было от имени императора. Вечером его величество император пировал на именинах у Гослера и был очень весел.

11-го. Молодой Апраксин рассказывал, что Монс первые два дня сидел под арестом в своей комнате, охраняемый часовыми, но что теперь его перевезли в Зимний дворец императора, где

заседает Верховный суд, делающий ему допросы под покровом величайшей тайны. Апраксин же говорил, что Монс в эти два дня страшно изменился и что у него будто бы от страха был удар; впрочем, он продолжает утверждать, что не знает за собою никакой вины. Генеральша Балк со страху все еще лежала в постели очень больная.

12-го. Находящиеся здесь чужестранные министры и другие иностранцы приносили герцогу свои поздравления, но его высочество, из скромности, не хотел еще принимать их. Русские в этот день были с нами очень уж приветливы и любезны. Говорили, что курьер, отправленный недавно Кампредоном в Париж, возвратился и будто бы привез хорошие для нас известия.

13-го. Сегодня мы узнали, что поутру Ушаков арестовал также генеральшу Балк, которую поместили у него в доме в той же комнате, где сидел несколько дней ее брат. Дом этот, говорят, весь окружен часовыми. Сегодня же, как мы слышали, арестовали и молодого камергера Балка, но он покамест сидит только в своем доме или в доме матери. После обеда во всем городе объявляли с барабанным боем и прибывали к стенам извещения, что так как камергер Монс и сестра его Балк неоднократно позволяли подкупать себя и потому арестованы, то всем, кому что-нибудь известно об этом или кому приходилось давать им, вменяется в неперемennую обязанность и под страхом тяжкого наказания немедленно заявлять о себе. Думают поэтому, что дело этих арестантов примет весьма опасный оборот. Говорят, что они во многом уже уличены из собственных их писем.

14-го у его королевского высочества обедал ассессор Глюк, который хотя и не поздравлял его, но за столом очень усердно высчитывал, сколько дней остается до Катеринина дня, и при этом вообще вдавался в большую откровенность. И в этот день о Монсе и генеральше Балк опять объявляли с барабанным боем то же самое, что и накануне, почему здесь все того мнения, что дело их кончится плохо, тем более, что явилось уже много лиц, от которых они принимали подарки.

15-го объявили с барабанным боем, что на другой день, в 10 часов утра, перед домом Сената, над бывшим камергером Монсом, сестрою его Балк, секретарем и камер-лакеем императрицы, за их важные вины, совершена будет казнь. Известие это на всех нас произвело сильное впечатление: мы никак не вооб-

ражали, что развязка последует так быстро и будет такого опасного свойства. Молодой Апраксин говорил за верное, что Монсу на следующий день отрубят голову, а госпожу Балк накажут кнутом и сошлют в Сибирь. Говорили, что поутру г-жу Балк вместе с секретарем и камер-лакеем, а после обеда и Монса перевезли в крепость. К последнему в то же время привозили пастора Нацциуса (здешней немецкой церкви), который должен был приготовить его к смерти.

16-го, в 10 часов утра, объявленные накануне казни совершены были против Сената, на том самом месте, где за несколько лет повесили князя Гагарина. Бывший несчастный камергер Монс, по прочтении ему приговора с изложением некоторых пунктов его вины, был обезглавлен топором на высоком эшафоте. После того генеральше Балк дано, по обнаженной спине, 11 ударов кнутом (собственно только 5); затем маленькому секретарю дано кнутом же 15 ударов и объявлена ссылка на 10 лет на галеры, для работы при ровервикской гавани, а камер-лакею императрицы, также приговоренному к ссылке в Ровервик, — ударов 60 батогами. Из приговора явствовало также, что сын генеральши Балк, камергер Балк, не останется при дворе, а будет в чине капитана отправлен на службу в дивизию генерал-лейтенант Матюшкина, куда последует за братом, с чином сержанта, и младший сын генеральши Балк, состоявший пажом при императрице. Все присутствовавшие при этой казни не могут надивиться твердости, с которою камергер Монс шел на смерть. По прочтении ему приговора, он поклоном поблагодарил читавшего, сам разделся и лег на плаху, попросив палача как можно скорей приступить к делу. Перед тем, выходя в крепости из дому, где его содержали, он совершенно спокойно прощался со всеми окружающими, причем очень многие, в особенности же близкие знакомые его и слуги, горько плакали, хотя старались, сколько возможно, удерживаться от слез. Вообще многие лица знатного, среднего и низшего классов сердечно сожалеют о добром Монсе, хоть далеко не все осмеливаются показывать это. Вот уже на ком как нельзя более оправдывается пословица, что кто высоко стоит, тот и ближе к падению! По характеру своему Монс хоть и не был большим человеком, однако ж пользовался немалым почетом и много значил; имел, конечно, подобно другим, и свои недостатки; может быть, уж слишком надеялся на милость, которую ему оказывали; но со всем тем он многим делал добро и уже наверно никак не воображал, что покончит так скоро и так плачевно.

18-го г. Остерман присылал к нам одного из своих чиновников за брачным контрактом. Его высочество показывал мне счет

издержек на подарок, заказанный им для своей невесты. Издержки эти простирались до 10 000 талеров, но он не знал еще, которую из принцесс назначит ему император, старшую или вторую.

19-го рассказывали за верное, что два камер-пажа императрицы, Соловьев и Павлов разжалованы в солдаты и что первый из них перед тем подвергся еще наказанию батогами. Думают, что и они были как-нибудь замешаны в монсовском деле.

20-го тело камергера Монса все еще лежало на эшафоте.

21-го. Сегодня утром его величество император, отправляясь в церковь, проехал в маленьких санках чрез реку по льду. Ганс Юрген, теперешний главный надзиратель над береговою стражею, хотел его арестовать, потому что не давал ему еще позволения ездить через лед, который находил не довольно крепким; но государь проскакал слишком скоро и не обратил внимания на его угрозы. <...>

1725 ГОД

28 января, в день тезоименитства нашего герцога, его величество император, к величайшему прискорбию всех его верных подданных, скончался между 4-м и 5-м часом утра, на 53-м году от рождения, после 13-тидневных страданий от каменной болезни и других припадков. За три дня перед тем его величеству делали операцию, которая, по-видимому, кончилась так благополучно, что все готовы уже были считать его вне опасности. Эта горестная потеря была бы незнаградима для России, если б благое провидение не внушило здешнему Сенату, генералитету, адмиралитету и духовенству единодушной мысли провозгласить вдовствующую государыню, для пользы государства и во уважение высоких ее заслуг, царствующею императрицею (тем более что она всегда показывала заботу и материнское попечение о верных своих подданных и что это согласовалось и с державным намерением покойного монарха) на всю жизнь, доколе Богу угодно будет продлить дни ее величества, — без дальнейшего назначения ей наследника. Все это было подписано собственноручно выше-названным собранием государственных сановников в 8 часов утра, причем они обещались и поклялись стоять один за другого и держаться раз принятого решения, хотя бы то стоило им жизни. По подписании такого акта они все вместе отправились к ее

величеству императрице, выразили ей сперва свое соболезнование, а потом доложили о принятом ими решительном намерении и поручили себя ее высокой милости. После того они все допущены были к целованию руки, и генерал-майор и майор Преображенского полка Ушаков был послан как к обоим гвардейским полковникам, так и к стоявшему здесь гарнизоном гренадерскому полку (которые были собраны и расставлены в трех различных местах) объявить, что его величество император, по неисповедимым судьбам провидения, в этот день утром отошел в жизнь вечную и что на престол вступила вдовствующая императрица Екатерина. Говорят, во всех трех полках не было ни одного человека, который бы не плакал об этой неожиданной и горестной кончине как ребенок и который не был бы сердечно доволен наступившим новым царствованием ее величества императрицы Екатерины как единственным для себя утешением в этом несчастье. Вообще все люди, без исключения, предавались неопisanному плачу и рыданиям. В это утро не встречалось почти ни одного человека, который бы не плакал или не имел глаз, опухших от слез. Члены Сената и Синода и собравшиеся вместе с ними генералы, возвращаясь от императрицы, все также горько плакали, потому что нашли ее величество в горестном и отчаянном положении, что при виде ее тронулось бы и каменное сердце. Ее величество вдовствующая императрица от постоянного беспокойства во время мучительной болезни государя, которого она почти ни на минуту не оставляла, и от непрерывного огорчения и плаканья так, говорят, ослабела, что к вышеупомянутой аудиенции ее должны были вести маршал Олсуфьев и старший брат молодой Нарышкиной. Поэтому дай только Бог, чтоб ни ее величество, ни обе императорские принцессы, ни наш герцог (которые все трое почти неутешны) сами не впали в тяжкую болезнь от крайнего огорчения, причиняемого им этою горестною кончиною. На сей раз нечего было опасаться каких-нибудь беспокойств; все обошлось мирно и тихо, что прежде, как хорошо известно из истории прошедших времен, здесь редко случалось при кончине государей. Впрочем, оба гвардейские полка (пользующиеся большим весом и значением) заблаговременно приняли все меры, чтоб не случилось какого-нибудь смятения. С обеих сторон дворца, в котором скончался император и собрались все вельможи, поставлены были две гвардейские роты с ружьями, а на всех прочих местах размещены крепкие караулы. Вскоре после того как наш тайный советник Бассевич возвратился домой, к нему приехали многие иностранные министры, между прочим Кампредон, Цедеркрейц, Мардефельд и Вестфал, чтоб узнать, как повершилось дело при императорском дворе. Все они не могли надивиться, что все кончилось так благополучно и без малейшего беспорядка. Затем весь наш двор получил приказание

немедленно облечься в глубокий траур. Генерал майор и майор гвардии Мамонов в тот же день был отправлен в Москву как для объявления там о кончине императора и вступлении на престол императрицы, так и для приведения жителей к присяге, а вместе с тем и для поддержания в этой столице тишины и спокойствия.

29-го. Его королевское высочество кушал при императорском дворе. Перед обедом тело покойного императора, в сопровождении императрицы, всего двора и знатнейших вельмож, было перенесено в большой зал и положено на парадную постель. В вечеру Сенат собирался у императрицы для подписания указов по случаю кончины государя, назначенных к отправлению в провинции. В этот день разрешена была также отправка шведской почты, которую до сих пор задерживали здесь вместе с другими. <...>

